
ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»





МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, 1 МАЯ 1966 ГОДА

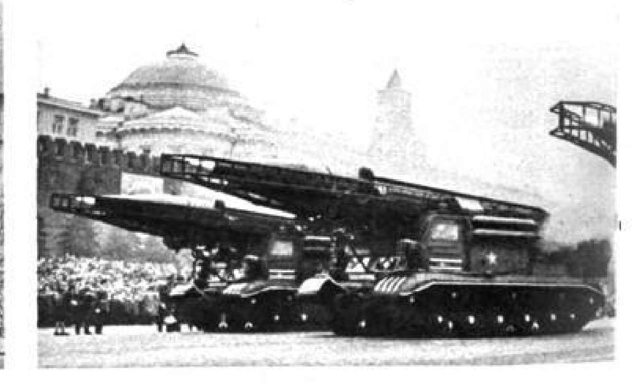
Фото В. КЛИМОВА.



МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАД









Ь, 1 МАЯ 1966 ГОДА

Праздничный репортаж вели фотокорреспонденты «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН, А. ГОСТЕВ, Г. КОПОСОВ, Г. МАКАРОВ, Д. УХТОМСКИЙ.



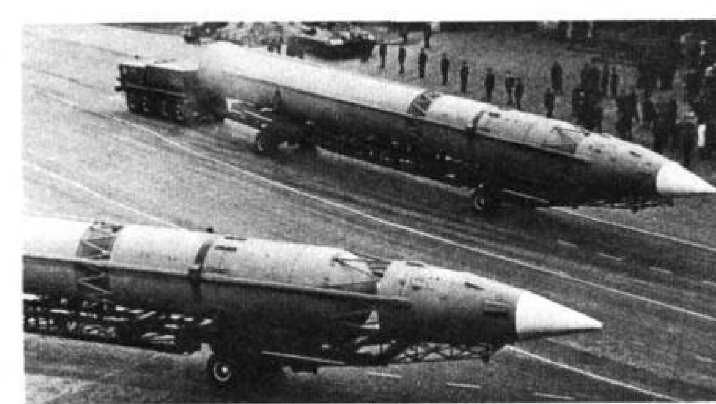
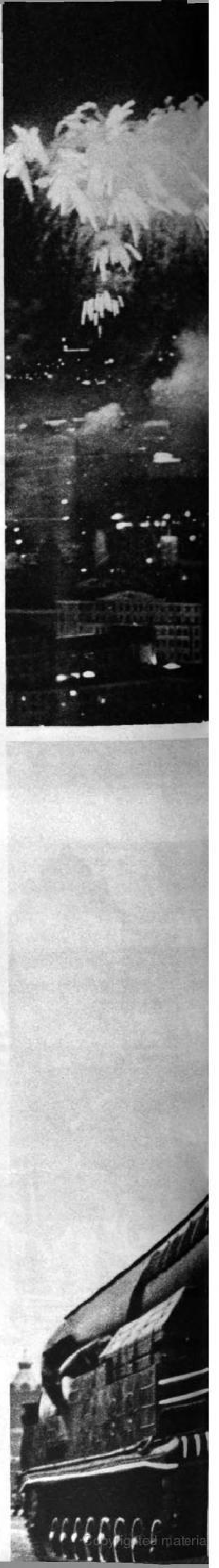




Фото А. Морозова

ТРИ СНИМКА, рождающие много мыслей. Вот он, советский солдат, сражавшийся и победивший во имя счастья своего народа. Он насмерть дрался, чтобы мир царил на нашей земле, чтобы пушки гремели только в пору торжественных салютов, чтобы лишь на праздничных парадах громыхала по площадям боевая советская техника и чтоб никогда не настал бы день, когда эти ракеты, охраняющие мирную жизнь Советской страны, вынуждены будут ответить ударом на удар.



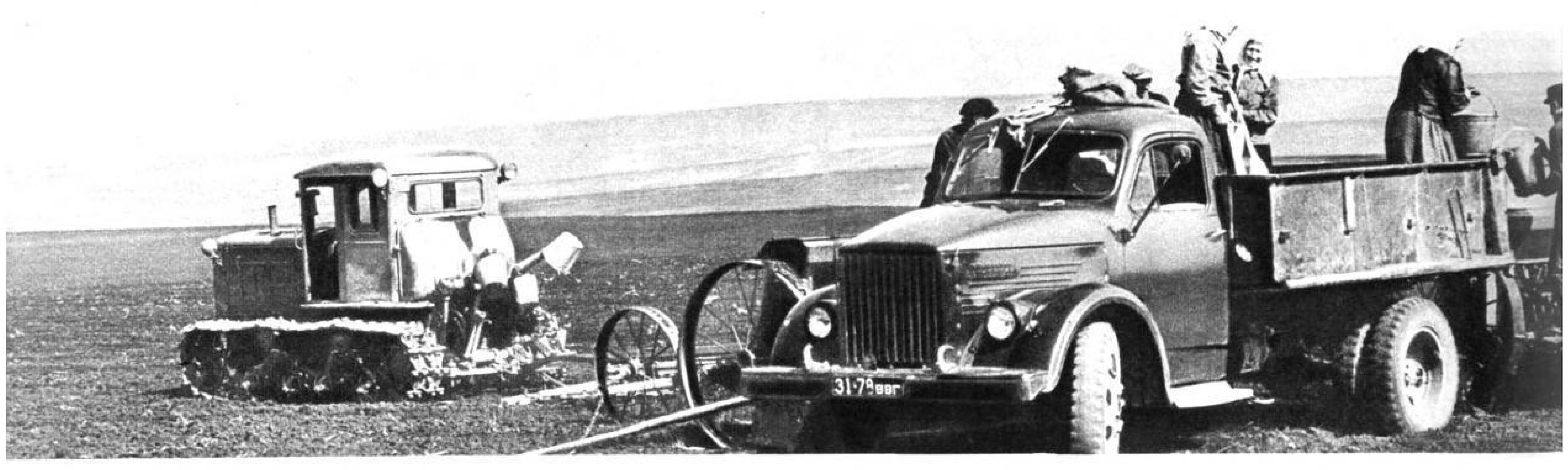


Николай БЫКОВ Фото А. Бочинина.

Я встретил его в степи за Доном. Была весна, река нехотя уходила в берега. Тугой теплый ветер гнул старые ветлы, срывал синеву донской воды, бросался в поля, вдогонку за тракторами...

На полевом стане колхоза «Родина» с бригадиром разговаривал высокий, городского обличья человек. В руке он держал мягкую шляпу. Спокойный, внимательный, гладко выбритый и оттого, быть может, выглядевший моложе своих лет. Разговор шел о себестоимости зерна, о новых принципах хозяйствования. Это был Крымов, первый секретарь Россошанского райкома партии. Михаил Иванович... Он запомнился широтой взглядов на нашу сельскохозяйственную экономику, глубиной анализа действительного положения вещей. Слушать его было интересно. Сам человек думающий, он заставлял думать и своего собеседника.

А вечером люди дорисовали портрет этого человека. И я узнал, что Михаил Иванович — Герой Советского Союза, капитан запаса, бывший разведчик. Шесть раз ранен на фронте и вот уже более двадцати лет носит фашистскую пулю возле самого сердца.



В степи за Доном была весна.



За них, за их сегодняшнее утро умирали и побеждали солдаты.

Михаилу Крымову,
Герою Советского Союза

Уходила в землю кровь заката.
К изголовью солнца ротный стал.
В сердце неубитого солдата
Остывал оплавленный металл.

Умирал, в который раз за вечность,
День, не сожалевший ни о чем.
И впервые умирал разведчик
Под чужим изодранным плащом.

Не участвовать в последнем штурме,
Звездочкой фанерною гореть...
Навсегда?
И он тогда не умер:
«Навсегда» еще успеешь, смерть!

Он поднялся. К черту быль и небыль!
Зубы стиснул и поднялся в рост.
Знаменем развернутое небо
Все в пробоинах горячих звезд...

. . . .

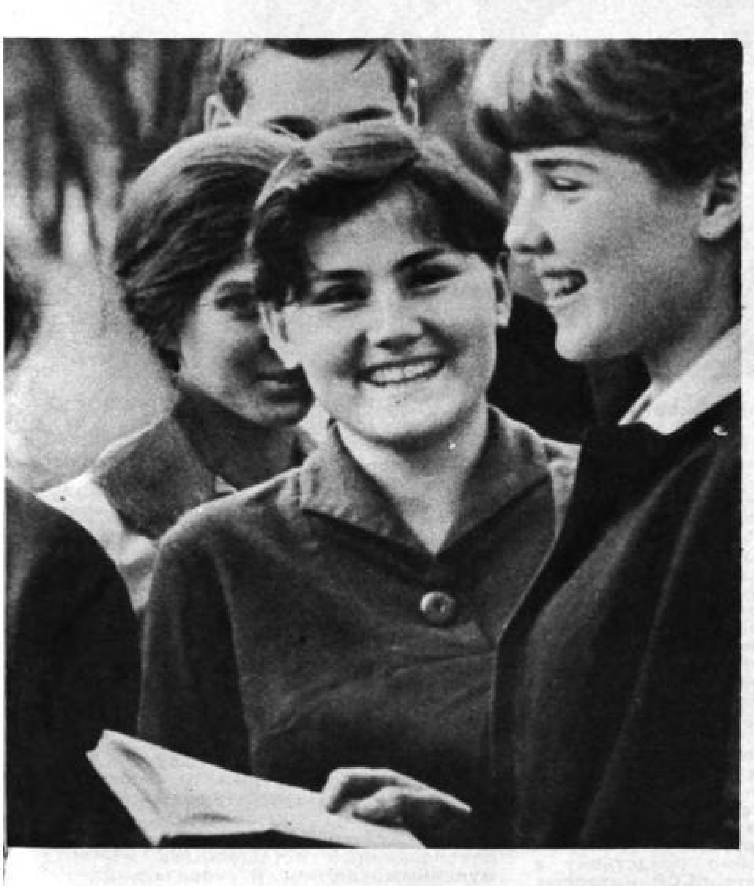
«Газик» с места, только хлопнет дверца.
— Снова в степь, товарищ секретарь?
Бьется сердце.

И уж совсем недавно я узнал, что Крымов был делегатом XXIII съезда КПСС и что там же, в Кремле, в дни работы съезда ему вручили второй орден Ленина.

Наверное, я еще напишу о нем...

А сегодня, в канун праздника Победы, я посвящаю Михаилу Ивановичу Крымову «Балладу о неубитом сердце».





Баллада о неубитом сердце

Что такое сердце?
Бестолковый у меня словарь.

Как вместить разлив и утро леса?
Имена погибших как вместить,
И кусок остывшего железа,
Не дающего войну забыть?

Гаснет день. В который раз за вечность,
Пахари уходят на ночлег.
Бейся, сердце,
Чтобы жил разведчик,
Жизнью смерть поправший человек!

— Снова в степь, товарищ секретарь!

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ «ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МИРА МЕЖДУ НАРОДАМИ» ЗА 1965 г.



Жамсарангийн САМБУ — общественный и государственный деятель (Монгольская Народная Республика).



Джозеф Питер КУРТИС — общественный деятель (Федеративная Республика Нигерия).



Мирьям ВИРЕ-ТУОМИНЕН — общественная деятельница (Финляндия).



Мигель Анхель АСТУРИАС — писатель, общественный деятель (Республика Гватемала).



Джакомо МАНЦУ — скульптор общественный деятель (Италия).

ТАКАЯ СУДЬБА

НАРОД НАЗВАЛ ДОСТОЙНЫХ

Анкетные данные такие: Ясюченя Анна Ивановна, рабочая Минского автомобильного завода, белоруска, из крестьян беззмельных, мать троих детей, член женсовета предприятия, участница заводской художественной самодеятельности.

А за анкетными данными вот что.

Мастер Анатолий Маслович, предложивший на предвыборном собрании автомобилестроителей выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета Союза ССР Анну Ясюченя, знает ее, пожалуй лучше, чем кто-либо на заводе. Когда в цехе лесовозов создавали новый участок «рулевая колонка», Анна была для Масловича правой рукой. Людей не хватало, и она все время выручала: требовалось стать к токарному станку — становилась к токарному, к сверлильному — шла к сверлильному, была и фрезеровщицей и шлифовщицей. Научила жизнь.



Анна Ясюченя принимает поздравления.

Ясюченя на автозаводе с 1949 года, фактически даже с 1947-го, потому что ремесленное училище, которое она окончила, существует на заводской базе. Предприятие тогда только-только становилось на ноги. Страна ждала мощные грузовые машины. Молодой работнице приходилось учиться делать все, постигать и то, к чему не готовили в ремесленном. Так пришла к ней высокая квалификация станочницы. Сейчас Анна Ивановна работает сразу на двух шлифовальных станках. Полагается обслуживать один, второй она попросила сама — просто убедилась, что справится на двух. И доказала.

Вот почти все, что сказал о ней на собрании мастер Анатолий Маслович. Закончил он тем, что в цехе не сомневаются: Анна Ивановна Ясюченя достойно представит в Верховном Совете СССР интересы народа.

Анна Ивановна тронута, взволнована и немного растеряна: за что такая высокая честь? Наверное, не только за добросовестный труд. За всю ее жизнь, трудную и честную, за ее характер, открытый доброму, и умение пробуждать доброе в других. Как она стала такой? Шла той же дорогой, что и миллионы других.

...Война. Гитлеровское нашествие. Зажатая болотами, укрытая лесами белорусская деревня Мглё в партизанской зоне. Каратели лютуют. В деревне осталось четыре дома. В одном из них приютилась семья Ивана Ясючени. А кроме нее, еще много семей. И партизаны, и раненые, и оставшиеся без крова крестьяне из соседних деревень. Тут Аня впервые почувствовала силу людского братства, почувствовала, как важно уметь жить не только для себя. Здесь делили на всех черные, с какой-то примесью лепешки, рвали на бинты последнее белье, отдавали тем, кто шел в лес, с трудом собранные полушубки и валенки.

В сорок третьем ей исполнилось 11 лет. Она на всю жизнь запомнила декабрьский день, яркое солнце и темный с крестами самолет, прилетевший, чтобы добить непокорную партизанскую деревню. Бомба попала прямо в дом. Девочке показалось, что черный самолет совсем закрыл солнце. Опомнившись, она увидела, что мать умирает. Аня ничем не могла ей помочь. Сама раненная осколками в ногу, она даже не могла плакать.

Три месяца спустя Анин отец попал в засаду. У него нашли партизанские листовки... Расстреляли. Осталось трое сирот.

Потом она узнала силу настоящей дружбы советских людей. В селе уцелела лишь одна корова. Одна на всех. А в молоке нуждались многие: малые дети, больные. Односельчане не забывали троих сирот. Каждый день они получали свой паек — по нескольку глотков теплого, пахнущего пожарищем молока.

Потом детский дом, неуютный, переполненный истощенными, измученными детьми. И снова люди, заботливые, самоотверженные люди, которые лечили, давали еду, учили писать и читать.

...Жить вот так, отдавая все людям, твердо решила Анна Ясюченя, когда пришла в трудовой коллектив. Так она и живет. Так учит поступать других. Такая у нее жизнь, такая судьба.

А. ДАНИЛОВ

Виктор ПОТИЕВСКИЙ

У северных скал

Когда носил он бескозырку набок
И маузер в тяжелой кобуре,
Вся молодость, как боя
крепкий навык,
Вставала в бело-огненной заре.

Теперь он вспоминает эти годы,
И кажется,
Что сопки загудят,

И вырастет корабль,
большой и гордый,
Бурунным галсом в гавань заходя,
И загремит матросская полундра,
Запляшут волны, дико веселы...
И грохнет залп.
И гулко ахнет тундра.
И чайки вниз сорвутся со скалы.

Петрозаводск.

В. Серов. БАЛТИЙСКИЙ ДЕСАНТ.



О. Савостюк, Б. Успенский. «ВЫСТУПИТЬ НА ОХРАНУ ГРАНИЦЫ!»

Е. Самсонов. КЛЯТВА ПАРТИЗАН.



Леонид САПРОНОВ

МАРС — ПЛАНЕТА ВЕЧЕРНЯЯ

Рассказ

Рисунки А. Лурье.

1

В решающую минуту Игнат с удивлением обнаружил, что у него трясутся руки, а ладони становятся липкими от пота. Он пытался унять волнение, но пальцы противно дрожали, спички раз за разом ломались или сухо чиркали по коробку, разбрызгивая серу. Наконец одна из спичек загорелась. Игнат подержал ее, дал пламени окрепнуть, немного помедлил, встревоженный непривычным стеснением в груди, а затем решительно поджег оба шнура. Когда кончики шнуров начали тлеть, он не спеша затоптал спичку и размеренно — делая свое дело, запальщик никогда не торопился — зашагал к дежурке.

Фомич все еще сидел за столом, подперев голову руками. Услышав шаги, он не пошевелился. Страдальчески морщась и упорно не глядя на Игната, начальник шахты полез в карман пиджака. Кисть его руки запуталась в складках, Фомич в сердцах выдернул ее и молча протянул запальщику портсигар.

Игнат взял папиросу, слегка примял ее и тут же забыл о ней. Открыв рот, он с томительным напряжением ожидал взрыва. И все казалось ему, что он оплошал, чего-то недоглядел, что шнуры давно погасли и ему надо непременно вернуться, чтобы поджечь их снова. И тревожился, недоумевая: да что же это они с начальником делают? Неужто нельзя ничего другого придумать?

Грохнуло и полыхнуло так, что из окон посыпались стекла. Тугой ветер ударил в лицо, у Игната заложило уши, от нестерпимого света заболели глаза. После ему рассказывали, что двуногий копер, расшитый черным кружевом раскосов, вдруг исчез, проглоченный всплеском голубоватого пламени. Огромный огненный ком мгновенно раздулся и лопнул, как детский шар, начисто слизав и вышку и капитальное здание под ней.

Но Игнат ничего этого не видел. Лишь через минуту у него продуло уши, и он услышал протяжный гул оседающей на землю лавины. Вскоре ливень схлынул, густая чадная мгла за окном начала рассеиваться, и вслед за Фомичом Игнат выбежал из дежурки.

Развалины дымились. На месте шахтного подъема громоздилась гора хлама: выщербленная, словно изъеденная крысами, бетонная плита, косяк уцелевшей стены, торчащие прутья арматуры, похожие на рычаги диковинной машины. Самый длинный из них, изогнутый, как лебединая шея, еще покачивался.

— Какую красавицу мы с тобой загубили!..— тоскливо проговорил Фомич.— Какую махину угробили...

Его лицо осунулось, посерело, глаза стали большими и скорбными.

— Ничего, отольются им наши слезы,— добавил он с угрозой, повернулся к запальщику и резко выбросил вперед, словно припечатал к пространству, свою ладонь.— Ну, Игнат... Спасибо тебе. Не вешай нос, милый. А взрывчатку береги. Никому ни слова, понял? Э, да что тебе объяснять! Сам знаешь, не маленький. А пока прощай.

Фомич отнял руку, покосился на взорванное сооружение, раздувая ноздри, жадно хлебнул горьковатый воздух, опустил голову и заторопился к пролетке.

И сразу неуютно стало на шахтном дворе. Непривычное молчание вентилятора оглушало, мертвые проемы окон котельной и безмолвная кузня глядели на Игната с укором, будили в нем холодную, немую тоску.

Наутро на душе у Игната было все так же нехорошо и нескладно. Завтрак не лез в горло, дома не сиделось, и он, повозившись с неисправным дверным замком, вдруг отшвырнул напильник, отер о тряпку руки и отправился на кладбище.

Прошлогодняя краска на деревянной ограде облупилась, могильный холмик осел и густо зарос травой. Игнат сидел на скамье, шарил руками по сухой, теплой земле, выдергивал сорняки и неторопливо размышлял. Здесь, над могилой жены, было тихо и покойно, сюда не доходила война с ее волнениями и тревожным ожиданием близкой беды. Дети теперь далеко, они успели выбраться. Как-нибудь устроятся на новом месте, люди взрослые. А вот он... Оставили Игната для дела, поручили взорвать шахту, помешали убраться вовремя да и забыли о нем. Дескать, старик, куда его денешь... Не надо было так легко отпускать Фомича, следовало просить начальника шахты пристроить Игната, приспособить к новому делу,— а Фомич не зря остался, без работы сидеть не будет! — но теперь уже поздно. Жди, когда начальник сам вспомнит о тебе. Да и вспомнит ли?

К обеду Игнат вернулся домой. Хозяйственные хлопоты скоро утомили его. Так и не доварив борщ, он потушил примус, вышел за калитку и уселся на лавочке. Мимо проходили знакомые, здоровались с ним, Игнат степенно кивал головой, отвечал на вопросы, кому-то поддакивал, а минуту спустя уже начисто забывал, о чем шел разговор.

Прибегал Петька, соседский мальчишка лет четырнадцати, говорун и голубятник, и торопливо докладывал Игнату о том, что Левицкие заколотили хату и смотали удочки; о том, что вернулись Степакины,— не успели пробиться и они; сказывают, что немец окружил и прет отовсюду; о том, что Аньку Белохвостову отдают замуж за военного.

— Тоже нашли время,— рассуждал Петька, локтями подтягивая штаны повыше, и как бы мимоходом спрашивал: — Может, прогоняем, дядь Игнат? Засиделись они, еще летать разучатся...

Запальщик не отзывался.

— Тогда я пошел,— уныло говорил мальчишка и, высоко вскидывая руки, уходил.

Походка у него была шаткая, развинченная, будто его суставы чересчур щедро смазали.

Вечером по шоссе двигались на восток красноармейцы. Сгибаясь под тяжестью вещевых мешков и винтовок, бойцы шли понуро, разорванным строем, без песен, хмурые, распаренные от жары в своих толстых шинелях. На закате где-то за городом бомбили, вдали простректал пулемет, и снова тишина. Вторые сутки не слышно пыхтения паровозов, умолкли заводские гудки, утих шум и шелест ссыпаемой под откос породы.

Сухо царапала о землю бездомная листва, за спиной шумели деревья. Ветер накидывался на Игната, осыпал пылью лицо, порой смирялся у самых ног, и тогда запальщику становились слышны сдавленные голоса соседок.

Заслышав шаги, бабы в испуге примолкли, но узнали Игната, сдержанно поздоровались и вернулись к прежнему разговору о недобрых приметах войны.

А позади, за шахтой, над щетинистой кромкой лесополосы, висела непривычно большая, багрово-красная звезда, быть может, та самая планета Марс, о которой писали в книжках. Ярко вспыхивая, она будто радовалась, что настала ее пора, будто и впрямь сулила жестокое кровопролитие. Огненный глаз словно подсматривал за людьми.

2

Утром по калитке отчаянно забарабанили кулаками.

Игнат вскочил, натянул брюки и, как был, босой, в майке, вышел на крыльцо, поеживаясь от осенней прохлады, ступил на холодную землю.

— Дядь Игнат, немцы! — еще с улицы закричал Петька.

Запальщик отворил калитку, положил свою тяжелую руку мальчишке на плечо, привлек его к себе и взглянул на дорогу. Там, в полукилометре от поселка, по шоссе двигалась серо-зеленая колонна чужих солдат. Оттуда доносился рокот машин, грохот колес и лязганье гусениц.

— Во сколько их! — невесело проговорил подросток.— Лезут и лезут. Как же теперь, дядь Игнат?

— Ничего, милый. Ничего,— отозвался запальщик, тесней прижимая мальчонку к себе.— Ничего...

Вдоволь насмотревшись, разбрелись по дворам любопытные, давно утих собачий лай, матери успели накормить домочадцев обедом и уже скликали детвору ужинать, а солнце по-прежнему недвижно висело на небе, и по шоссе все тянулась нескончаемая колонна чужих солдат. А затем зарядили дожди. Земля потемнела, раскисла, густые, низкие тучи с утра до вечера утюжили поселок. По мостовой же шли и шли обозы, шли день, и другой, и третий.

Игнат больше не выходил из дому. Он не

топил печь, не зажигал шахтерскую лампу по вечерам, не заводил часы. Да и зачем их заводить? Спешить было некуда.

Иногда к Игнату забегал Петька, мокрый, озябший, у порога прислонялся к дверному косяку и выкладывал очередную новость. Выяснялось, что в поселке уже имеется своя полиция, нашлись и собственные полицейские, что комиссарам и евреям приказано явиться в городскую управу и что гражданским лицам запретили покидать свои квартиры с наступлением темноты.

— А кого застанут — смертная казнь,— уныло говорил Петька, привычным движением локтей подсовывая брюки повыше.

— Мамка хочет голубей извести,— добавлял он после паузы и шмыгая носом.— Говорит, самим жрать нечего. Люди, мол, с голоду пухнут, а у тебя нахлебники.

Ни слова не говоря, Игнат выходил в чулан и приносил оттуда кулек с крупой или мешочек с зерном.

Обрадованный мальчонка засовывал кулек за пазуху и убегал, а Игнат снова оставался один.

Однажды к нему в дом ввалились мужики с винтовками, в добротных, пахнущих юфтью сапогах, с нарукавными повязками на шинелях.

— Собирайся! — хмуро буркнул мужчина постарше, стрельнув взглядом по комнате.

Запальщик удивленно смотрел на его толстые, выпяченные колбаской губы, ожидая пояснений.

— Я кому сказал?! Живо! — рассердился полицейский.— Пойдешь с нами.— И с наслаждением цыкнул слюной, метко угодив плевком в дальний угол.

Игната погнали в город. Он шел, стараясь не смотреть на прохожих. Не очень-то приятно сознавать, что тебя гонят под конвоем. И уж совсем худо чувствуешь себя на главной улице: народу здесь высыпало столько, что шарканье подошв и стук каблуков сливаются в сплошной гул. Откуда их, бедных, столько набралось, какая нужда заставила покинуть дома? Девчата, старики, подростки... И немцы, много солдат...

Игната завели в здание, где раньше находилась гостиница, и сдали под расписку дюжему солдату. Солдат-толстяк заставил Игната спуститься в подвал и запер его в тесной, сырой каморке. Запахло ржавой селедкой и лавровым листом — видно, здесь размещалась кладовая ресторана. Вверху, над головой у Игната, еще недавно люди веселились, распивали коньяки, плясали. А он так и не побывал в ресторане... Проходить мимо проходил, видел залитые светом столики, принаряженных посетителей, а вот зайти стеснялся — непривычно как-то рабочему человеку да и накладно. «Зато теперь привалило счастье»,— невесело подумал он, оглядывая голые стены, узкое зарешеченное окошко у потолка, ворох соломы на мокром полу. Он вспомнил, что забыл покормить своих голубей, и настроение у него окончательно испортилось.

Лишь на следующий день его вызвали на допрос. Немец в серо-зеленом кителе с витыми вензелями на серебристых погонах поднялся из кресла, присел на краешек заваленного бумагами стола и, не спуская глаз с Игната, о чем-то заговорил.

«Для кого же это он чешет? — недоумевал запальщик, переминаясь с ноги на ногу у двери.— Я-то ни бельмеса не смыслю».

Наконец подала голос переводчица. И сразу вина Игната прояснилась. Оказывается, новым властям стало известно, что он взрывал шахту, а значит, действовал во вред германской армии. По законам военного времени Игнат должен быть повешен за саботаж, за умышленное повреждение казенного имущества. Понимает ли он, что сделал?

Игнат молча теребил шапку, выжидательно посматривая на немца.

— Отпираться бессмысленно,— продолжала переводчица.— Немецкому командованию все известно. Ведь взрывал?

— Моя работа,— негромко выговорил Игнат.

Такое признание немцу понравилось. Господин офицер даже посочувствовал запальщику: он знает, это комиссары заставили Игната взрывать шахту. Большевики рассчитывали лишить честных тружеников работы, лишить их верного куска хлеба. Но пусть Игнат не волнуется: комиссары никогда не вернутся, а предприятия скоро будут восстановлены. Как вы видите, германское командование умеет не только наказывать, но и прощать. Разумеется, лишь в том случае, если население остается лояльным. Игнат отныне может не тревожиться за содеянное, господин офицер его отпускает. Господин офицер просит извинить его за вынужденное задержание, за некорректное обращение невеж полицейских.

Вынув из кармана руку, блеснув золотым кольцом на пальце, офицер заботливо осмотрел свои холеные ногти. Пальцы у него были тонкие, длинные и, сложенные щепоткой, смахивали на скрюченные когти хищной птицы.

На прощание он попросил Игната соблюсти маленькую формальность. Запальщику надо было назвать имена и фамилии тех, кто приказывал ему взрывать, кто командовал разрушением шахты. Ему придется указать, где они жили и где скрываются. И пусть не вздумает хитрить или обманывать: немецким властям все известно. Речь идет о лишнем свидетельском показании, не больше.

Опустив голову, Игнат молча теребил старенький треух.

— Ну?

— Я...— начал запальщик и осекся.

— Ну, ну, смелее. Чьи приказы ты выполнял?

У Игната затекли ноги, во рту пересохло. Он с тоской взглянул на пустой графин, сглотнул слюну и с трудом произнес:

— Я последние дни... Много работы... Сутками в шахте... Устал. Не помню.

Женщина перевела эти слова, офицер оживился, сполз со стола и с угрозой в голосе застучал снова:

— Вот как? Забыл, значит? Тогда мы тебе поможем вспомнить!

Вошли солдаты, быстрым и точным приемом заломили руки запальщика назад, повалили на скамью. Били чем-то твердым и тяжелым, с протяжкой, со строгой очередностью: слева — справа, слева и опять справа. На спине вздувались жгучие рубцы. Закусив губу, Игнат дергался, расслаблял тело и, закрыв глаза, ожидал следующего удара.

Очнулся он на скользком полу и ощутил каменный холод цемента. Во рту было вязко и солоно от крови, левый затекший глаз не открывался.

— Ну как, вспомнил? — словно издалека, с большой высоты услышал он голос переводчицы.

Игнат разлепил губы, морщась от боли, облизал их сухим языком, медленно повел головой из стороны в сторону и снова потерял сознание.

Через день его опять повели на допрос и опять били. Держали его теперь в общей камере, раз в день отпускали на его долю миску жиденькой овсянки и тонкую плитку спрессованного и безвкусного немецкого хлеба. Иногда к нему подходили другие заключенные, вполголоса заговаривали с ним, но Игнат отмалчивался. Он был не из тех людей, которые легко заводят знакомства. Обычно он лежал в своем углу один и часами оглядывал низкий потолок. И частенько перед глазами у него всплывали привычные картины: вот он стоит на крыше, на пронизывающем ветру и, запрокинув голову, наблюдает за крохотными живыми комочками в глубоком просторе. У него кружится голова, и кажется ему, что он и сам летит высоко над землей... Вот председатель шахтного комитета профсоюза Мятлев, по прозвищу «Закрутився», открывает в клубе собрание. Докладчик шпарит с трибуны по бумажке, бубнит так сухо и монотонно, что Игната клонит в сон, но ему почему-то приятно, будто погружается он в теплую воду. И яркие



пионерские галстуки на демонстрации, и гулянья в парке, и музыка на танцевальной площадке, и праздники авиации — куда все подевалось, когда вернется? Дома у Игната теперь не топлено, на стенах — изморозь, в будке — осиротевшие без хозяина голуби. Хоть бы Петька по старой дружбе позаботился о них, а то не ровен час передохнут...

На допросы Игната больше не вызывали, но и отпускать не торопились. Только на четырнадцатый или пятнадцатый день его вывели наверх, пригласили к офицеру и даже предложили закурить. Немец привычно взгромоздился на угол стола и заговорил о том, что их знакомство с Игнатом чересчур затянулось. Господин офицер весьма сожалел об этом, господин офицер приносил свои извинения. Конечно, Игнату приходилось у них не сладко, но время залечивает раны. Новая власть дарует ему свободу,— она, эта власть, умеет ценить честных людей. И пусть Игнат не взыщет, если немецкому командованию потребуется его помощь в будущем.

— Можете идти,— перевела переводчица, а офицер, благосклонно улыбаясь, неожиданно добавил по-русски:

— До свидания, косподин э... косподин Игнат!

В город пришла зима. Мороз леденил руки, обжигал дыхание. Игнат не гнулся, не ежился, не убыстрял ход. По улице поселка он шагал так же размеренно и твердо, высокий, прямой и еще крепкий в свои шестьдесят лет, с пылающими, будто обваренными кипятком щеками.

У своего дома он налег плечом на калитку, она, всхрапнув, отворилась, отодвинув наметенный сугроб. Утопая в снегу, Игнат поспе-

шил к голубятне. Распахнув дверку, он невольно отпрянул: на донышке будки валялись грязно-синие, задубевшие на морозе головки голубей. Глаза у них были закрыты, клювы разинуты.

— Это полицаи, дядь Игнат,— объяснил Петька, пробираясь по глубоким следам к запальщику. Он был без шапки, в накинутом на плечи пальтишке, учащенно дышал и говорил с трудом: — Я слышал, как они суп хвалили. Хвастались, что слаще куриного.

Игнат медленно притворил дверцу и вдруг, взметнув снег фонтаном, со злобой подкинул ногой выпавшую из будки голубиную головку.

— Дядь Игнат, возьмите моих. Пару сизарей, а? Принести?

— Не надо,— хмуро пробурчал запальщик. Он повернулся к мальчишке и уже ровнее, словно оттаивая, заговорил:

— Ты вот что: приходи завтра. Ступай, а то простынешь. Не топлено у меня.

в город, на рынок. Главное, учил Михалыч, надежную струю нащупать, в жилу попасть, и тогда не пропадешь. Оно и ему, Игнату, пора пораскинуть мозгами. Под лежачий камень, как говорится... А выгодная статья завсегда найдется. Во-первых, можно и к нему, Михалычу, в долю...

— Как это? — недоумевал Игнат.

— А так: брючонки там какие старые раскопать среди хлама, одеяльце, юбчонку. Распорешь — вот те и матерьял. Шей, не ленись.

Игнат недоверчиво хмурился. Уж очень несерьезным, жиденьким представлялось ему новое занятие. Он, Игнат, не обучен приноравливаться. Да и не с руки здоровому мужику шить-пороть...

Поздним вечером он выпроваживал Михалыча и оставался один на один со своими думами. Постепенно мысли его начинали путаться. Порой ему чудились шаги в соседней комнате, он явственно слышал, как хлопочет за стенкой жена, шлепая босыми ногами по полу,



3

Тяжкие настали времена. С потерей голубей жизнь для Игната потеряла вкус. Он подолгу спал, просыпался под утро или среди ночи, хлебал постные, подернутые хрупким ледком щи, протапливал печь и снова засыпал. К нему приходили соседи, пытались утешить, ободрить его. Игнат исподлобья глядел на посетителей, с недоумением пожимал плечами — сейчас он меньше всего нуждался в утешениях. Не раздражал его только старый, седой Михалыч, с которым Игнат добрый десяток лет протрубил в забое. Маленький, ветхий, благообразный, с изрезанными тонкой сетью морщин щеками, он смахивал на потускневший лик древней иконы. Легкие у него были пропитаны угольной пылью, и, прежде чем заговорить, Михалыч натужно откашливался. Особенно он любил поучать, порассуждать о хитроумных причудах злодейки судьбы и для примера всегда ссылался на подходящие к случаю последние события.

От него Игнат узнал, что в поселке разместилась воинская часть, что немцы постарше чином поселились на квартирах у местных жителей, что бывшая официантка столовой крутит с ними открыто, напропалую, а десятника по вентиляциям, остриженного наголо, приняли за беглого военнопленного и посадили в какой-то особый лагерь. Жизнь, оказывается, не остановилась, она лишь потекла другой дорогой. Вон и Михалыч применился и приспособился: из старого сукна и ваты его жена шьет стеганые валенки-бурки, ноские, если ходить в галошах, и выменивает на них продукты. Да и дочка помогает: насобачилась игральные карты трафаретом печатать — и тоже

как она озабоченно вздыхает, как бормочет свое излюбленное: «Раздуй тебя жиром!» В такие минуты Игнат отчетливо представлял ее лицо, видел склоненную набок голову с тяжелым узлом волос на затылке, плавную, величавую походку. Игнату хотелось остановить, задержать это видение, но именно в тот момент и рассеивался туман. Он снова был один в четырех стенах, окруженный непроглядной теменью, с глазу на глаз с немым репродуктором.

А зима набирала силу. С виду веселая, звонкая, пышная, за ночь она вымораживала из дома остатки тепла, по утрам сторожила у дверей, люто набрасываясь на каждого, кто осмеливался высунуть нос наружу. Его, Игната, счастье, что успел запастись топливом. Да и продукты кое-какие имеются. Другие давно мыкаются: ни угля у них, ни крупы, ни мало-мальски приличной одежонки. Даже воды в колонках и той не стало. Приходится запрягаться в выгнутые из железного прута сани и тащиться с ведрами к пруду. А до весны, до первого тепла, ой как далеко!

Как-то раз, в студеный январский день, в окно постучал полицейский. Был он в новом дубленом полушубке. А выглядел полицай неважно: губы посинели и потрескались, нос облупился, под глазами чернели круги. Не заходя в дом, он вяло, без прежней развязности объявил волю своих хозяев. Игнату предписывалось явиться на шахту и приступить к работе.

— Какая может быть работа? — удивился Игнат.

— Не знаю. Такой приказ,— не глядя на него, угрюмо ответил полицейский и поспешил уйти.

Утром Игнат надел теплое белье, ватные брюки, поверх фуфайки натянул холодную, торчащую колом спецовку и отправился на рудник. Вместе с другими мобилизованными он не спеша, с прохладцей очищал завалы, долбил киркой мерзлую землю, таскал носилки, грелся у костра. Их занятие, по мнению Игната, было бестолковым — с такими темпами, пока отроешь шахту, так и помереть успеешь. Но, как говорится, начальству виднее.

Работа вначале не утомляла его, зато дни побежали быстрей. Да и паек положен — на зависть соседям Игнат стал получать двести граммов прогорклого, «шоколадного», как его называли в насмешку, хлеба, выпеченного из горелой пшеницы.

В полдень соберутся на работе перекусить, сгрудятся у печки, разложат перед собой скудные харчишки и давай перебирать разные случаи из довоенной жизни. И среди безделиц нет-нет да и промелькнет весточка посвежее да поважнее: то русские самолеты склад разбомбили, то нефтебаза сгорела, то солдата в степи ухлопали. Сначала пропустишь известие мимо ушей, сразу и не оценишь его, зато потом обязательно вернешься к нему и надолго воспрянешь духом. А Тимофей Макрушин, крепильщик, тот и вовсе учудил: в обеденный час взял да и ляпнул при полицейском:

— Ну-кось, навались на чаек, товарищи!

И замерли и разом примолкли работнички.

Вскоре Петька нашел в степи и приволок на шахту листовку. Не утерпел Игнат, хоронясь от начальства, показал ее напарнику, тот — своему дружку, и к вечеру прокламацию зачитали до дыр. И радовались втихомолку: Москва стоит, Москва не сдалась!

Не забывал Игната и Михалыч. По субботам он приходил к запальщику, откашливался, дымил ядовитой махрой. Не зажигая огня, долго сидели они, отогревая у печки старые кости. В трубе гудел ветер, в окно вливался ровный, отраженный снегом свет, на полу, у порога, вспыхивали малиновые отблески пламени.

— Мне пора,— спохватывался Михалыч, кряхтя, поднимался с места и на прощание делился забытой было новостью.

— Говорят, вчера за посадкой много люду порешили,— однажды сказал он.— Должно быть, из тех, кто несогласный. А еще будто в шурф живыми бросают, на четвертом «бису». Все больше евреев. Наши мальчишки подглядели. И не боятся, сморчки!

Он отдышался и добавил:

— Вот они какие, германцы. С ними шутки плохи. Видать, крепко засели... Тут я тебе газетку оставлю — поинтересуйся.

Едва рассвело, Игната потянуло в поле, к лесополосе. Утопая в сугробах, он продирался сквозь ветки, брел от просеки к просеке, заглядывал в густые заросли. На опушке он наткнулся на глубокие решетчатые вмятины, оставленные гусеницами вездехода на снегу, а на просторной поляне обнаружил полосу черной, свежей земли. Утоптанная десятками ног тропка, тяжелые, охваченные морозцем комья и чуть в стороне — стеганый валенок-бурок домашнего производства. Значит, правда... Похоже, что и на четвертом «бису» то же.

Когда-то в забое этой шахты насмерть пришибло его деда, там, под землей, коногонил отец Игната, мальчишкой он и сам днями пропадал на «бису», шнырял по эстакадам, выдирал галчиные гнезда. А теперь...

Присев на корточки, он внимательно осмотрел потертый, с перекошенным задником валенок, тщательно присыпал его снегом, поднялся и сдернул с головы шапку...

Дома он набросился на газету, но никаких упоминаний о казнях не нашел. Некий господин Попов объявлял на последней странице о том, что он открывает платные курсы немецкого языка; этот Попов представлялся Игнату чудом уцелевшим холеным барином с острой бородкой, в изъеденной молью жилетке и котелке. В областном городе приглашали работать в офицерское казино русских девушек и женщин, а об одной местной барышне писали, что она каждый вечер «с потрясающим успехом» отплясывает перед немецкими солдатами непонятные Игнату характерные танцы.

Как же так, недоумевал Игнат, вчера одни, сегодня другие, раньше товарищи, теперь гос-



пода? Неужели так просто и легко все делается? И Фомич — куда он запропастился? Отчего не объявляется? Видно, не с руки ему обнаруживать себя: он, Игнат, теперь на примете, под надзором у немца, с ним связываться опасно. А как поступить ему, Игнату? Что ему делать? Разве махнуть к своим? Давеча Петька сболтнул, будто наши беглые пленные у Таганрога по льду моря фронт переходят.

Вот бы с ними! Только не возьмут его в армию — остарел. Так куда же тогда?

На шахту Игнат ходил с неохотой, за смену сильно уставал и нередко норовил увильнуть от работы. В груди у него побаливало, частенько беспокоила сосущая пустота под сердцем. Все назойливей ему приходили на ум утешительные мысли о смерти, все больше раздражала и служба, и замогильно-пустые ночи в доме, и Михалыч.

А тот регулярно являлся в гости, дымил самосадом, засиживался допоздна. И обязательно приберегал напоследок худую весть: то расскажет о женщине, которую повесили за укрывательство пленных, то о найденном окоченевшем трупе ребенка, то про облавы на рынках.

— А ить шахту вскорости думают пускать,— как-то объявил он.— Готовятся уже.

— Как пускать? — забеспокоился Игнат.— Ствол завален, его и за год не прочистишь.

— Так то ж главный. А зачем германцам главный, если они запасной приспособили? Тесен, правда, и узковат, но для почину сойдет. Много ли им угля нужно? Абы для паровозов хватило, возить снаряжение. Узловая станция близко...

И опять Михалыч оказался прав. Вроде и немало Игнат околачивался на шахте, да словно с закрытыми глазами ходил. А сосед сразу учуял. Вентиляционный ствол и впрямь очистили, кое-где укрепили, приладили канат, бадью, лебедку. Можно начинать добычу...

Весь день Игнат не находил себе места, слонялся по рудничному двору, удивляя своей рассеянностью окружающих. И дома ему не сиделось: то порывался заколотить окна, двери и уйти куда глаза глядят, то тянуло постучаться к людям, поделиться с ними тревогой, посоветоваться. А потом Игната зажала в тиски усталость, сковало тело безволие, тупое равнодушие к жизни, и он около часа просидел в темноте, неподвижный, с померкшим взглядом и бессильно повисшими руками. Лишь поздней ночью Игнат очнулся, наспех поужинал, тщательно снарядился, разыскал запальщицкую сумку, трамбовку для пыжей, старую горняцкую лампу, обушок, зачем-то положил во внутренний карман пиджака семейные фотокарточки и, прижимаясь к темным заборам, благополучно пробрался на шахту.

4

Под утро жителей поселка разбудил взрыв. Они высыпали из дверей и калиток, ежились, спросонья продирали глаза, шарили взором по небу и не находили самолетов. Потом замечали густое черное облако над шахтой, окутанные дымом постройки и, сразу притихнув, с волнением следили за грязной ползучей тучей.

К шахте примчались на санях полицейские, за ними потянулись любопытные.

Это была чистая работа: стены запасного ствола осели, новая деревянная башня рухнула, возле спуска под землю наворотило столько мусора, будто здесь, сокрушая строение, хозяйничали танки. Воздух был горький, едкий — догорали доски, пахло взрывчаткой. Полицейские суетились, оттаскивали в сторону обугленные столбы, пока старший, с досадой плюнув сквозь зубы, не скомандовал отбой.

— Чего вылупились?— набросился он на зевак.— Сматывайтесь отсюда!— Он выругался и заорал вдогонку:— Рано обрадовались! Я знаю, кто орудовал! Этого субчика мы и на краю света найдем. Еще попляшет у нас!

Четверть часа спустя полицейские нагрянули к Игнату. Голый по пояс, он только-только помылся, а воду слить из тазика не успел. На полу валялась измазанная ржавчиной спецовка, запорошенная снегом.

Игнат намеревался было постоять за себя, но, увидев первого полицая, промедлил. Перед ним очутился мальчишка, сопляк — какой с него, дурака, спрос? И потом — Игнату ни разу не приходилось убивать людей.

А на него уже навалились остальные. Под их ударами Игнат несколько минут держался, широко расставив ноги и вобрав голову в плечи, топтался на месте, отряхивался, расшвыривая локтями самых ретивых, но вскоре толчок неимоверной тяжести — окованный железом приклад с размаху вонзился под ребро — свалил запальщика на пол.

Игната отлили водой, подняли на ноги, приказали одеться и, подталкивая в спину, погнали в город. И от поселка до гостиницы из-за ставен и занавесок его провожали горящие людские взгляды.

Двое суток Игната продержали в холодном подвале без воды и без пищи. В первую же ночь он застудил правый бок, к утру охрип и часто захлебывался в кашле.

На третий день его вывели наружу. Он надеялся попасть на допрос, но его выгнали во двор и втолкнули в машину.

Шахту Игнат узнал сразу, даром что давно здесь не был: тот самый, четвертый «бис». Кладка стен осыпалась, ощерилась зубатыми провалами, крыши нет и в помине. Вверху, над эстакадой, гудит ветер, пронзительно скрипит железом, швыряет вниз колючую пыль ржавчины. Огородили, обнесли крепким забором, но и сюда пробралась весна: небо над копром сырое, переменчивое, снег набряк и ослабел, жирными лужами расплывается под ногами.

Арестованных заводили в здание по двое. Сначала отобрали из горстки людей пугливого подростка и женщину в сером платке. Она ни на секунду не закрывала рта, охала, жаловалась, слезно упрашивала солдат и слабо упиралась, а они молча подталкивали ее вперед, тащили за руки. По утоптанной тропе все четверо вошли в здание и пропали из виду.

В который раз облизывая губы, Игнат напряженно прислушивался, ожидая выстрелов, но в громадном пустом корпусе было тихо. Солдаты вернулись оттуда одни, на ходу вскинули карабины за спины и повели следующих: изможденного, с желтым лицом и впалыми щеками парня в солдатской одежде и дряхлого седобородого старца, судя по шестиугольной звезде на повязке, еврея.

Игнат нащупал в кармане мятые фотографии, жадно, задерживаясь на каждой неровности, оглядел двор, пробежал взглядом по забору. Над неровной линией досок на мгновение ему померещилась чья-то голова. Эх, если бы Петька увидел его напоследок! Рассказал бы в поселке...

И солдаты уже подходили к нему. Не утерпев, Игнат быстро нагнулся, зачерпнул полную пригоршню снега, припал к нему ртом.

В здании было сухо и ветрено, глаза не сразу освоились с полутьмой. К своему последнему прибежищу — громадной квадратной яме, уходящей отвесно вниз на много сотен метров,— Игнат продвигался вслепую, пятясь назад. Удивляясь собственному спокойствию, он покорно отступал вглубь под напором направленного на него карабина. Конечно, лучше бы знать точно, где она, эта яма, лучше бы видеть ее, но по опыту он и так может догадаться, определить точное расстояние. Кажется, здесь, под копром.

На него неумолимо надвигалось дуло карабина, чуть ниже тусклым серебром отливала широкая пряжка солдатского ремня. Игнат уставился на неясный, неразличимый в сумраке рисунок на пряжке, все медленней, все неохотней переставлял ноги, пока черный кружок не ткнулся ему под ребро. И тогда, собрав остатки былого проворства, чуть отклонясь влево, Игнат двумя руками схватился за ремень, намертво стиснул холодную кожу, резко, сколько хватило сил, дернул ее на себя и потерял равновесие. Последним, что запомнилось ему, был чужой душераздирающий вопль, повторенный сводами здания.

г. Орел.

ТРИ ТАНКИСТА

А. ЩЕРБАКОВ

Его отец погиб в сорок четвертом. Но они и сейчас служат вместе. Лейтенант Михаил Ковалев командует танковым взводом в части, которой в годы войны командовал Герой Советского Союза подполковник Михаил Ковалев-отец. Командовал... В прошлом... В комнате героев музея боевой славы части висит его портрет; в летописи описаны его подвиги.

...Жизнь подполковника была, как танковая атака, короткая, горячая, открытая.

В танковый корпус Ковалев-старший пришел в 1943 году. Отпросился на фронт из военного училища, куда его после госпиталя направили преподавателем. До госпиталя он дрался с фашистами в Эстонии и под Ленинградом, а до этого сражался с фашистами в Испании. Сколько было таких «встреч» позже? Всех не перечтешь. Вот две.

...Днепр. Подразделения, захватившие плацдарм на правом берегу, нуждались в поддержке. Одну группу, пошедшую на выручку в составе трех «тридцатичетверок», пяти легких танков и двух батальонов автоматчиков, возглавил майор Ковалев. Гитлеровцы очертя голову лезли на плацдарм, старались сбросить смельчаков в Днепр. Тридцать танков и около полка пехоты обрушились на группу Ковалева. Восемь раз начиналась атака, и восемь раз она захлебывалась. Не ожидая девятой, майор, оценив обстановку, пришел к выводу: пора поменяться ролями, самому перейти в атаку.

Наши танки ворвались в боевые порядки фашистов, и тут же с другой стороны в атаку поднялись автоматчики. Их вел майор Ковалев. Плацдарм был удержан. Корпус получил тогда наименование «Днепровский», а майор Ковалев — звание Героя Советского Союза. Дальше, на запад, он пошел командиром танковой бригады.

И еще одна «встреча», последняя — в Прибалтике, у города Валмиеры. С вражеским гарнизоном в Валмиере легче всего было покончить с помощью авиации. Но подполковник Ковалев знал, что в городе много мирных жителей. Да и жаль сам город. И была еще одна атака, неожиданная, стремительная. Танкисты взяли город почти невредимым. Но добивали они вражескую группировку без своего комбрига. 25 сентября под Валмиерой Герой Советского Союза подполковник Ковалев погиб.

...Еще в суворовском училище Миша Ковалев во всем старался походить на отца. Мише было четыре года, когда тридцатитрехлетний подполковник погиб, но сын много знает об отце по рассказам матери и боевых соратников комбрига. Сын слышал о мечте отца создать семейный танковый экипаж и гордится, что старший брат Володя и он, Михаил, служат в танковых войсках. Три танкиста. Двое в строю живых, третий — в сердцах сотен боевых друзей и учеников.

О буднях офицера рассказывать нелегко. Будни есть будни. Учения, занятия в обстановке, приближенной, как говорят военные, к боевой...



В музее части. «Экскурсовод» М. Ковалев-младший.

Фото Б. Кузьмина.

...Однажды во время больших учений подразделение, куда входит взвод Михаила Ковалева, действовало на левом фланге. Все, казалось, работало на «противника». Перелом могла обеспечить лишь стремительная контратака. И она была — дерзкая и решительная контратака. «Огонь» с высоты, почти в упор. Бесстрашный бросок. Наверное, это было очень похоже на тот яростный штурм, что был на Днепре двадцать с лишним лет назад.

...Будни офицера-танкиста. С утра работал в парке. Во время недолгого перерыва сел, написал письмо матери в Орел и школьникам в Валмиеру, где на площади Героев похоронен отец, где его именем названа улица, а во второй средней школе есть пионерская дружина имени Ковалева и музей боевой славы с уголком Ковалева. Отправил письма — и снова в парк, а в сумерках увел танкистов на ночные стрельбы.

Белорусский военный округ.

Аркадий КУЛЕШОВ

* * *

Друзья, в сраженьях скошенные пулями,
Дыханье ваше слышу за спиной.
А где-то снова яростными ульями
Жужжат осколки. Не смолкает бой.

Опять в ночи родная Беседь мечется,
К лесным корням торопится припасть,
Тревожится, что водородной нечистью
Отравит рыбу новая напасть.

Дубы бушуют, гневом переполнены,
Сады к воде сбегают по холмам,
Чтоб с плеч стряхнуть напалмовое полымя,
Грозящее переметнуться к нам.

И душно вам, друзья. Землей прикрытые
(Вздохнуть бы, как при жизни, глубоко!),
На вольный свет стремитесь вы, завидуя
Живым, которым тоже нелегко.

* * *

Взбиралась тень моя все выше, выше,
Катилась с кручи — не угнаться мне,
Летела, мой рассвет на тропках вышив,
Как будто на суровом полотне.

Но в полдень мой, горячий, мимолетный,
Коротким шагом измеряла тень
Дорог широкотканые полотна,
Чтоб растянуть неповторимый день.

А к вечеру со скоростью обозной
Она влачится долго оттого,
Что не желает на дороге поздней
Хозяина оставить одного.

О дружба! Тень пожизненная. С нею
Огонь прошел я, воду и беду.
Она, свою дорогу слив с моею,
Там упадет, где сам я упаду.

Авторизованный перевод с белорусского Якова Хелемского.

Михаил НАЙДИЧ

Дымок

Как стеклышко,
Прозрачен этот день.
Ромашка
от небес
не обособлена.
И всюду в плен берет меня
сирень.
А здесь, у штаба округа,
Особенно!

Куст низкорослый
От росы промок,
Он высыхает,
Оживает снова,—
И прямо над пилоткой часового
Клубится фиолетовый дымок.

Лучами солнца,
как тисками,
сжат,
Пусть долго-долго
Он не потухает,
Пусть от него заборы распухают
И ребрами дощатыми трещат.

Дымок дается в руки —
И опять
Чуть-чуть скользит,
Поддразнивая: — Нате-ка!

И вся земля не в силах устоять
И молодеет
От такого натиска!

Свердловск.

ЖАВОРОНОК

Она появилась в нашей роте в самые тяжелые месяцы войны. Маленькая, щупленькая девчушка.

— Меня зовут Евгения Кузнецова. Я из Великих Лук... Они убили отца и мать, сожгли дом... Возьмите меня в свою часть!.. Я окончила курсы медсестер!..

Медработников в роте не хватало. Только уж очень она молода... Но глаза девушки смотрели с такой надеждой!

С того дня судьба Евгении Кузнецовой была неразрывно связана с ротой. Женя любила петь. Она напевала свои песенки и в походе и в редкие минуты отдыха. «Жаворонок» — так ласково называли ее солдаты. Уже одно ее появление заставляло раненого забывать о страданиях, подбадривало усталых, проясняло хмурое лицо старшины.

Наша дивизия обороняла важный рубеж. Беспрерывный грохот стоял над истерзанной землей. Рота разведчиков находилась возле командного пункта дивизии. Здесь была и Кузнецова. Когда пехота пошла в атаку, с переднего края сообщили, что полковник Свешников, заместитель командира нашей дивизии, тяжело ранен и остался в лощине, через которую враг ведет пулеметный огонь. Посланные туда санитары погибли.

Женя попросила:

— Разрешите, товарищ лейтенант? Я знаю, где можно проползти...

— Да сил-то у тебя хватит?

— Хватит! Возьму с собой плащ-палатку...

Выйдя из блиндажа, я с волнением смотрел на кустарник, за которым скрылся наш Жаворонок. Над головой ныли пули, и я подумал, что зря дал согласие. Погибнет... И сама пропадет и полковнику не поможет...

Прошло полчаса. Вдруг один из дальних кустов зашевелился, и сквозь раздвинутые ветки над самой землей появилось лицо Жени.

— Она! — закричал я и по-пластунски пополз навстречу.

И вот тяжело раненного полковника уже внесли в блиндаж. Мы ждали, когда утихнет бой, чтобы эвакуировать полковника в тыл. Вдруг он широко открыл глаза:

— Где я?

Командир дивизии нагнулся над ним:



ОНИ ВОДРУЖАЛИ ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Я посылаю фотографию взвода разведки 756-го стрелкового полка. Это те разведчики, которые принимали участие в водружении Знамени Победы над рейхстагом в Берлине. Сфотографированы они у стен рейхстага в первых числах мая 1945 года. Оригинал фотографии хранится у Кухтина С. С. (на снимке второй слева), который был тогда помощником командира взвода полковой разведки и сейчас проживает в деревне Свиницы, Брянского района. В центре: капитан Кондратов В. И., начальник полковой разведки, Герои Советского Союза М. Кантария (справа), М. Егоров (слева). Паренька, воспитанника разведчиков, звали Жорой. Опубликуйте эту фотографию, чтобы откликнулись разведчики. Где они сейчас? Каковы их судьбы?

В. ХАЗОВ,
директор школы.
Брянская область.

СООБЩИТЕ РОДНЫМ

Во время оккупации Украины фашистскими захватчиками я жила в селе Оксанино, Уманского района, Черкасской области. В августе 1941 года после трехдневного боя село было захвачено немцами. Когда мы хоронили погибших в бою наших солдат, найденные у них документы прятали.

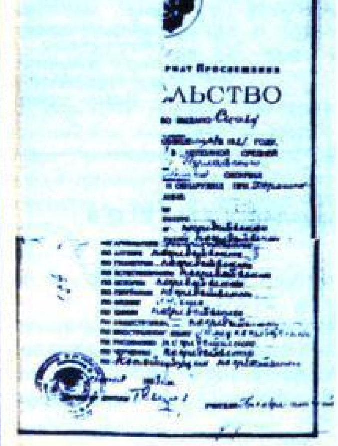
В 1945 году я сдала в военкомат документы 18 погибших.

Недавно, разбирая фронтовые письма мужа, я обнаружила фотографию офицера и свидетельство об окончании школы. Как они очутились среди писем мужа, не знаю. Свидетельство на имя Сычева вынуто из кармана молодого солдата, погибшего в бою; а фотография взята мною у расстрелянного гестаповцами лейтенанта Мещерякова (написано на фотографии). Других документов не было.

Дорогая редакция, разыщите родных Сычева и Мещерякова, сообщите им, что их родные погибли, защищая село Оксанино на Черкасщине.

Е. НЕЧИПОРЕНКО,
учительница-пенсионерка
г. Торез.





ТАЙНА ЧАСОВ РАСКРЫТА





Пулеметчик Асызбек Ибрагимов (1942 год).

У этих часов необычная судьба. В мае прошлого года их нашли под Воронежем, у села Подклетное, Семилукского района. На крышке было выцарапано острым предметом: «10.45 пос Подклет Ведем бой 1943 г Ибрагимов г. Фрунзе».

Почти четверть века земля хранила тайну.

И вот недавно удалось разыскать владельца часов. Им оказался бывший пулеметчик 156-го стрелкового полка, ныне учитель школы из села Кегеты, Чуйского района, Киргизской республики.

Войну комсомолец Асызбек Ибрагимов начал восемнадцатилетним юношей. На

— Дома, Захар Гаврилович! Дома, дорогой...

Свешников обвел взглядом блиндаж и снова спросил:

— А кто вынес меня из огня?

Генерал подошел к Жене, притулившейся у двери, и вывел ее за руку на середину блиндажа.

Полковник снова погрузился в забытье. Но через несколько минут пошевелил головой, пытаясь поднять ее с солдатской скатки.

— Прошу вас, товарищ генерал,— произнес он слабым голосом,— вот орден... снимите его...

Пальцы полковника неуверенно поднялись, нащупали старый, с вытершейся эмалью орден Красного Знамени. Генерал нагнулся, отвинтил орден и положил его в раскрытую ладонь полковника. Очень тихо стало в блиндаже. Свешников шевельнул пальцем, и все поняли, что он подзывает Жаворонка. Женя наклонилась над раненым.

— Я его в гражданскую получил...— прошептал полковник.— Теперь носи ты... Спасибо...

...Через несколько дней, когда мы атаковали зарытые в землю фашистские танки, Женя Кузнецова погибла смертью храбрых.

Все, что я рассказал,— быль. А сейчас я ищу, но никак не могу найти могилу Жени Кузнецовой. Прошло столько лет... Я трижды ездил в город Великие Луки и на станцию Великополье, где мы похоронили Жаворонка, но могилы нет...

Дорогая редакция! Пусть мое письмо напомнит моим однополчанам о горячих днях! Может быть, я неправильно запомнил место, где мы похоронили Жаворонка? Мне кажется, что это было недалеко от реки, рядом с железной дорогой, у высокого дуба. Мой адрес: Рига-24, ул. Силциема, дом № 13, квартира 21.

И. СОЛОВЬЕВ



ПАВШИМ В БОЯХ

На снимке — скромный, но волнующий памятник. Он поставлен жителями города Артика в Армении. Это священная память о земляках, павших в сражениях Великой Отечественной войны. Многие из них сложили головы под Севастополем. И вот артикцы привезли из Севастополя землю, политую кровью своих отцов, братьев, сыновей, и на ней воздвигли памятник. Он стоит в центре города на площади, которая носит имя Владимира Ильича Ленина.

Г. ХАНБЕКЯН

г. Степанаван.

ТАК ПОСТУПАЛИ ГВАРДЕЙЦЫ

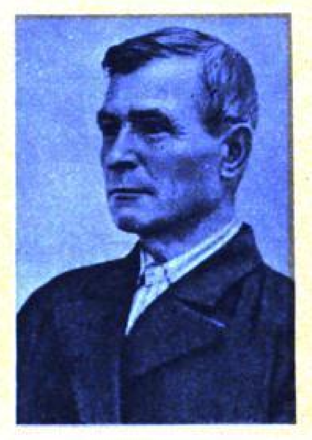
347-й гвардейский самоходный полк вел ожесточенные бои за польский город Оборники. В открытый люк самоходки попал фашистский снаряд. Машина загорелась. Тогда заряжающий, сержант И. Манохин, накрыл огонь своим телом. Он получил сильные ожоги, но машина была спасена. Сейчас Иван Александрович трудится в колхозе «Путь коммунизма», Волгоградской области.

В. МИРОНОВ,
Герой Советского Союза,
полковник запаса

Мордовская АССР,
Ромодановский район.



И. Манохин. 1945 год. Польша.



И. Манохин. 1966 год. Волгоградская область.

фронте он подружился с сибиряком Семеном. Асызбек был командиром пулеметного расчета, а Семен — вторым номером. Как-то перед наступлением друзья обменялись часами. Ибрагимов подарил товарищу свои кировские, а тот отдал ему наручные фирмы «Мозер».

Перед боем за придонское село Подклетное Асызбек сделал надпись на часах. Почти три часа вели друзья огонь по врагу из своего пулемета. Село было очищено от оккупантов. В этом бою Асызбек был тяжело ранен, а Семен — убит.

После госпиталя сержант Ибрагимов снова вернулся в строй. И еще дважды вражеская пуля настигала его. Был ранен в голову при освобождении Полтавы и в руку в бою за Кенигсберг. В родное село он возвратился инвалидом войны. Вот уже двадцать лет коммунист Ибрагимов учит детей родному языку и литературе.

На днях часы были вручены владельцу.

«Вы возвратили мне самый дорогой подарок от друга,— написал он.— Это память о погибшем товарище, о днях сражений за Воронеж. Большое спасибо».

П. ГРАБОР

Воронеж.

Иван САВИЧ

Раздумья у панорамы

Панорама всех потрясла.
Будто сам я участник боя.
Не унижен своей судьбою,
Выхожу против смертного зла.
Прорываюсь во вражеский стан
В самом крошеве рукопашной...
Так солдатом я снова стал.
И в порыве еще не страшно...
Но о чем это, гид, постой!
Говоришь, вон оттуда, по знаку,
Говоришь, с высоты вон с той
Подымался Толстой в атаку?..
Да. Толстой.
И какая-то мгла...
Стало страшно от слова такого.
Пуля-дура убить могла
И его, и его, Толстого!..
Тлен коснулся б его, пыля.
Тьма мечту б его спеленала.
И беднее стала б земля.
И «Войны и мира» б не знала.
Не дрожали б, идя на суд,
Суд Толстого, мира владыки.
И лишился б защитника люд,
Люд рабочий, попранный дико.
Темноту не смущал бы свет,
Что сквозь годы проходит и горы...
Я, разведчик военных лет,
Знал бои и солдатское горе,
Помирал, подымался... А тут —
Давит тяжестью страх чугунный:
Он виднеется, тот редут,
Где Толстой мог погибнуть, юный...
Шел я в битвах, от дымов седых,
Шел от Волги до Шпрее с войною:
Сколько, сколько Толстых молодых
Там засыпали мы землею!..

Стук... Стук...

Еще тишина.
Каштанов окрестных
Чуть солнце коснулось — сонь срезало вдруг.
А я на работу иду,
И протез мой
По камню ритмически:
Стук...
Стук...

Двенадцать часов.
В колясках, в прохладе,
Спят малыши, соскользнувшие с рук.
Хочу я неслышно идти,
А проклятый
Протез по дорожке:
Стук...
Стук...

Под вечер до дому иду проспектом.
Над городом воздух дрожит, как звук.
Студенты штурмуют свои конспекты.
Самый экзамен —
А я:
Стук...
Стук...

Идут интуристы или дипломаты.
Их старший, нацеленный, как паук.
Тут, может, потише бы мне ступать бы,
А я по булыжнику:
Стук!..
Стук!..

Перевел с украинского
Дмитрий Ковалев.

Старобельск.

Пенчо Славейков

Ровно столетие назад, 27 апреля (9 мая) 1866 года, в маленьком городке Трявна родился большой болгарский поэт Пенчо Славейков, творчество которого представляет гордость болгарской национальной культуры.



Творческий облик его сложен и противоречив. От него исходит обаяние большой и сильной индивидуальности, художественные проявления которой разнообразны и богаты. Он то эпически широк, то интимно задушевен, то созерцательно мечтателен, то бунтарски непримирим. Не случайно в своем оригинальном очерке в стихах «На острове блаженных» он с шутливой изобретательностью вывел целую галерею выдуманных поэтов, в каждом из которых по-разному изобразил самого себя.

Весь жизненный путь Славейкова представляет собой непрерывную борьбу с невзгодами, борьбу со страданием во имя жизни и искусства. До конца своих дней он носил в себе тяжкий физический недуг. Цепь несправедливостей и обид со стороны власть имущих постоянно отравляла его жизнь, вынудив поэта провести последние дни жизни вдали от родины, с которой он был так глубоко связан всем духом и стилем своего творчества. Но Славейков решительно восставал против попыток со стороны критики «навязать» ему, как он выразился, «нерадостную концепцию жизни, в которой отразилась бы его собственная нерадостная судьба». В этом отношении он брал за образец великую русскую литературу с ее животворным духом, и прежде всего Тургенева, автора «Живых мощей» — произведения, сыгравшего в его жизни и творчестве огромную роль. В нем крепнет «гордое сознание, что есть величие в человеческих невзгодах»; торжество над страданием — одна из его основных художественных идей, которую мы встречаем и в его небольшой философской поэме «Cis Moll», посвященной трагической судьбе Бетховена, и в популярной бытопсихологической поэме «Ралица».

Первым учителем Пенчо Славейкова была болгарская народная песня. Следуя традиции, столь плодотворно заложенной его отцом, старым патриотом и поэтом болгарского Возрождения П. Р. Славейковым, поэт хорошо знает народную песню, любит ее и живет в созданном ею поэтическом мире. В языке, стиле и почти неуловимом иногда национальном колорите его произведений виден ученик народного певца. При всей сложности его поэтического облика, в его мироощущении есть некоторое здоровое, болгарское начало, нечто сближающее его с простым, но мудрым мировоззрением народа.

И именно это позволяет поэту относиться к народному творчеству, как к некоторой действительности, свободно черпая из него не только художественные средства, но и образы, мотивы,— все, что представляет поэтический материал. Большая часть его творческого наследства, в которую входят некоторые из наиболее популярных произведений, такие, как «Неразделные» и «Удалец-молодец», самым непосредственным образом перекликается с миром болгарского фольклора.

Проявление сокровенной связи поэта с судьбами отечества видно в крупнейшем произведении Славейкова — «Кровавой Песне», которым он мечтал положить начало болгарскому национальному эпосу. Этим же патриотическим пафосом проникнуты и некоторые из лучших стихов Славейкова — «Сто двадцать человек», «Поэт», «Самоубийца» и другие, также посвященные теме национально-освободительной борьбы болгарского народа.

Совсем другим предстает перед нами Славейков, когда он обращается к современной ему общественно-политической действительности. Известно, например, как он осмеял в стихотворении «Страна наоборот» режим личной власти царя Фердинанда. Используя прием своеобразного иносказания, часто на материале древней истории, он изобличал современную тиранию монархии («Секира истины», «Крум-прорицатель», «Царь Давид»), современную демагогию буржуазных политических партий («Марий и Сулла»). Но и здесь вера в силы народа порождает у поэта исторический оптимизм, и с пророческой убежденностью он пишет о будущем своей родины:

грядущего восход,
надеждою вскормленный,
в сиянии лучей я вижу
над страной...

28 мая (10 июня) 1912 года, в возрасте всего лишь сорока шести лет, поэт Пенчо Славейков умирает в итальянском селении Брунатте, на берегу озера Комо, куда он скрылся от пошлости и грубости тогдашней болгарской действительности. Но его человечная и мудрая поэзия в своей основной части выдержала долгое испытание временем, и через революционные перевороты общественного развития, через споры и переоценки литературной истории до нас дошел образ личности гордой и сильной, искренний, гуманный и чистый образ поэта.

Милена ЦАНЕВА

ВЕСНОЙ НА ЛЫЖАХ

Елена СЕМЕНОВА

Капризен нрав Чегета. Иной раз ранним майским утром выползет из Баксанского ущелья длинный белый язык тумана, и тогда пластмассовые «подошвы» лыж приходится натирать красным «свиксом», чтобы они скользили по сырому, рыхлому снегу. Но чаще в это время Чегет ведет себя иначе. Стоит он, золотистый, с сиреневыми тенями, четко рисуясь на синем небе, и блещет ледяной броней. Она так крепка, эта броня, что вдребезги разбиваются об нее лучи солнца. Тут уж стальные канты слаломных лыж должны быть отточены, как бритвы,— иначе не спустишься благополучно. «Ох и ходина будет!» — говорят лыжники о таком склоне.

Негласный рекорд мира в скоростном спуске — почти сто семьдесят километров в час, рекорд страны — сто пятьдесят. Это уже скорость самолета. Горные лыжи — самый быстрый спорт из всех тех видов, где человек не пользуется мотором. И Чегет — обетованное место для любителей авиационных скоростей.

Горнолыжники открыли Чегет лет семь назад. Тогда на том месте, где стоит теперь поселок Терскол, стояло несколько домиков Высокогорного института Академии наук СССР да новая горнолыжная база ЦСКА. Канатной дороги не было. На крутой Чегет лазили пешком. Как это выглядело, представить совсем нетрудно: медленно, шаг за шагом, цепляясь кантами, поднимались спортсмены вверх на тяжелых лыжах, да еще в ботинках с толстой, двойной подметкой. Путь километра в два по прямой занимал полтора часа.

Но вот в 1962 году появилась в Терсколе канатная дорога, а затем стал расти поселок, выросли в нем восемь двухэтажных жилых домов с квартирами, благоустроенными, как в Москве, комбинат бытового обслуживания, магазины, кафе.

Первыми жителями горнолыжной столицы стали строители, альпинисты, слаломисты. Приехал в качестве представителя заказчика архитектор Алексей Алексеевич Маленнов, начала работать прорабом альпинистка Оля Ваинна, начальником горноспасательной службы стал Леонид Елисеев. Ленинградские горнолыжники Светлана и Дима Гурьевы приехали сюда преподавать слаломную науку. По-моему, все они из Терскола никогда не уедут.

Этой зимой открыла свои стеклянные двери гостиница «Иткол» из стекла и бетона. Таким отелем мог бы гордиться любой альпийский курорт — широкий светлый холл, разноцветный пластик, легкий металл, черный кафель. И главное, для хозяев Чегета — горнолыжников — хранилище лыж, мастерские, где спортсмены могут циклить, клеить лыжи, точить канты. Теперь уже не придется в тесных комнатушках подымать «дым коромыслом».

С крыши стеклянного кафе «Чегет» тебя подхватывает кресло «канатки», и ты можешь любоваться сказочной красотой Баксанского ущелья. Где-то совсем внизу поблескивает стеклами красавец «Иткол».

Конечная остановка недалеко от кафе «Ай». На ходу выпрыгиваешь из кресла и... надо спускаться. И на лыжах, а не в кресле. Глядишь сверху вниз — Чегет зловеще поблескивает ледяным своим панцирем. Круто, скользко. И страшновато. Предательски подрагивают коленки. Надо взять себя в руки. Надо побороть страх перед величием горы. Надо толкнуть себя в спину.

— Трусишь?— задает мне кто-то провокационный вопрос.

— Да, трушу,— говорю откровенно. А что? Даже чемпионка страны в скоростном спуске Альфина Иванова мчится по этому льду повизгивая. А один спортсмен-разрядник признался мне: «Вот так поднимешься на гору, посмотришь вниз... Морозец по спине!»

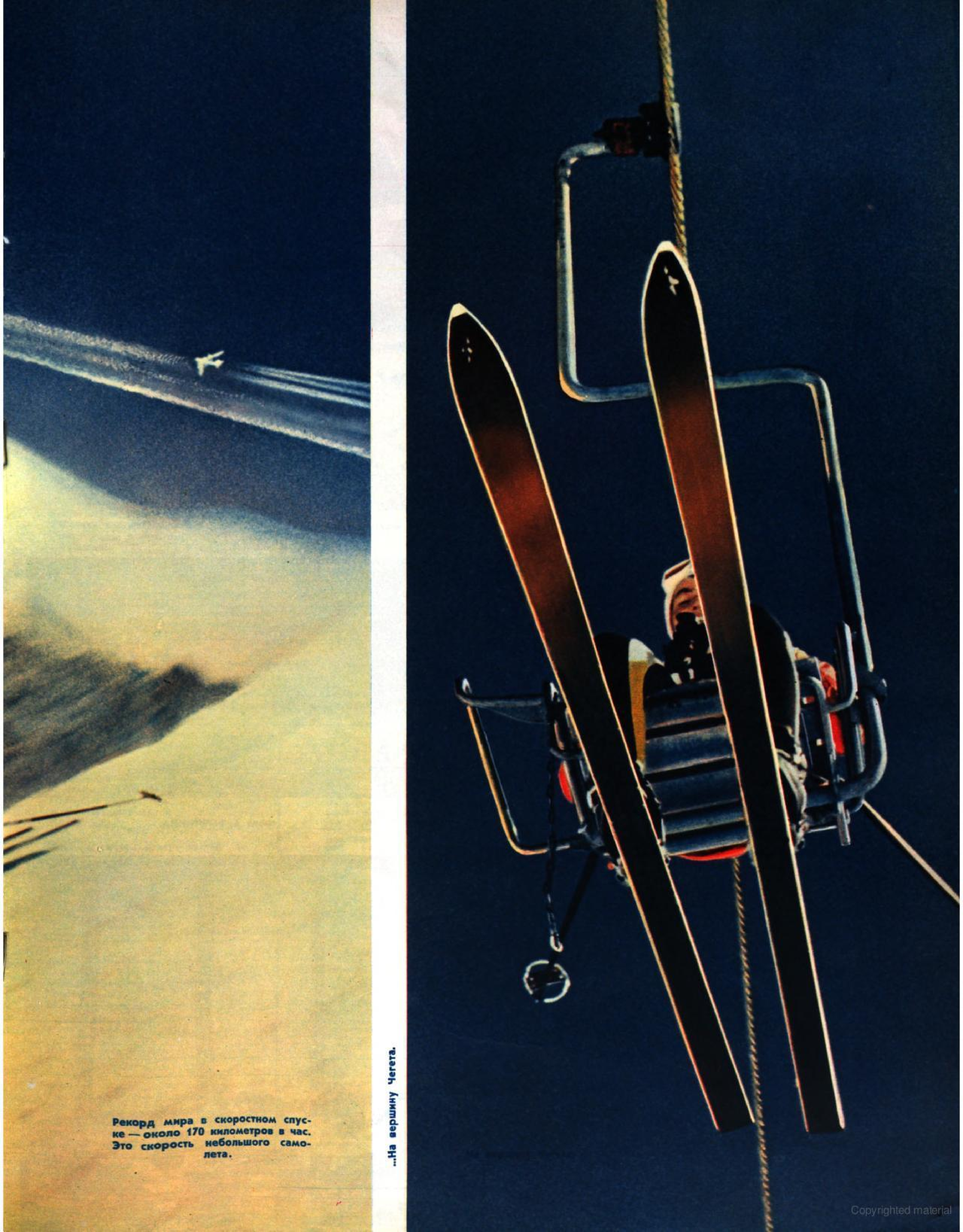
Может быть, снять лыжи и отправиться в «Ай»? Там тепло. Пахнет кофе и крепко замаринованным шашлыком. Там мягко колышется желтое пламя в круглом камине. Можно даже остаться переночевать.

Заманчиво? Но зачем тогда ездить в горы, зачем таскать за собой тяжелые лыжи и всю пудовую лыжную одежду? И я толкаю себя в спину. И медленно, боковым соскальзыванием еду вниз. У поворота торможу изо всех сил, ибо не повернуть — значит, улететь в «целик» (так называют лыжники целину), в деревья и катиться кубарем вниз по совсем отвесному склону до самого подножия Чегета. Кстати, здесь, по этой почти отвесной стене, следующей зимой будет проложена новая спортивная трасса. А эту, на которую и глядеть-то страшно, отдадут туристам...

Через тридцать минут, а не через три, как это делают спортсмены, с остановками и падениями, раз пять превозмогая ужас перед этим ледяным чудовищем, спускаюсь вниз. И... направляюсь к подъемнику. Еще разок поглядеть сверху вниз на Кавказ, услышать ворчание Баксана и устремиться вниз по снежному склону.

Наташе Труновой очень понравился Терскол.





Рекорд мира в скоростном спуске — около 170 километров в час. Это скорость небольшого самолета.

...На вершину Чегета.

Внизу, в поселке Терскол, мороз 12 градусов, а здесь, наверху, можно загорать и играть в снежки.



К старту и высокогорному кафе «Ай» можно добраться в кресле канатной дороги...

Фото А. БОЧИНИНА.

Кафе «Ай» находится на высоте 3 тысяч метров над уровнем моря.



Иван ВАРАВВА

Разведка

Ветер, ветер,
Солдатское счастье,
В опустелой степи не стони!
Не кромсай мое сердце на части.
От нежданной беды заслони.

В ослепительно белых халатах,
В ослепительно белом снегу
Пробираются полем ребята
В оборону на том берегу.

Ветер, ветер!
Сейчас, в холодину,
Все живое в тепле залегло.
Обжигает дубленую спину,
Полирует глаза, как стекло.

Может, белую пляску нарушив,
Из заснеженного угла
Грянет выстрел, нацеленный
в душу.
Эх, ветрище...
Была не была!

Мне об этом гадать не годится,
Лучше думать о смерти врага...
Ох, свистит,
Эх, метет и клубится
Ледяная сквозная пурга!

Можно ветром рассыпаться в поле,
Раствориться в блескучей пыли...
Рукоятку сжимая до боли,
Приподнялся ефрейтор:
— Пошли!..

Колыхнулися вьюгою белой,
Утонули в землянках чужих.
И пошли, охладелые, в дело
Белотелые финки-ножи.

...А когда принесли из разведки
«Языка» на плечах тишины,
Ничего не сказали.
Как дети,
Окунулись в пушистые сны.

Высота 203

Какая ж это высота?
Я здесь не раз бывал,
Орешки желтые с куста
Лозиною сбивал.
И будоражил с ребятней
Грачиные миры...
А вот назвали высотой
Номер 203.

Здесь и теперь цветут цветы,
Шумит буркун-трава.
Здесь небывалой высоты
Неба синева.
Отсюда кажется видней
Степная красота.
Здесь жизнь вольней,
Простор светлей...
При чем тут высота?

Шагай на горку, как шагал,
Сухие травы мни,
А коль споткнешься о металл,
Под ноги взгляни.
То будет каска, иль патрон,
Иль меч, что жизнь косил:
Осколок памятных времен,
Обломок темных сил.

О, сколько хлопцев,
Кто сюда
Пробился,
Сталь смела!..
Зовется горка — высота,
Такой лишь раз была.

Станица Старо-Минская.



Разведчица Анна Макушева.
1941 год.

СТАРШИНА II СТАТЬИ АНКА



Четверть века спустя. Кончился спектакль «Одесса, мой город родной». Слева направо: ведущая И. Иванова, в роли Любаши (Аннушка) — Л. Сатосова; Анна Ивановна Макушева.
Фото М. Гледа.

Галина СМЕТАНИНА

В Одессе мне посчастливилось попасть в Театр музыкальной комедии.

День был праздничный, торжественный — XXII годовщина освобождения города от фашистских захватчиков. Настроение у публики было приподнятое. И сама сцена с громадной медалью «За оборону Одессы» и все, что происходило на ней, как-то очень чутко воспринималось залом. Было это, наверно, еще и потому, что спектакль-обозрение «Одесса, мой город родной», поставленный Ю. Дыновым и М. Ошеровским, рассказывал о самих одесситах, о том, что их окружает, волнует... Может быть, потому и шел спектакль под несмолкаемые аплодисменты.

...Женщина, сидящая впереди меня в зале, поднимается. Прожектор выхватил из темноты ее лицо. Она стояла скромно, с достоинством. На груди орден Ленина и боевые медали. В антракте люди подходили к ней. Им трудно было поверить, что эта полная обаяния, спокойная женщина и есть та самая отчаянная, бесстрашная Анка, имя которой гремело по всему Одесскому и Крымскому побережью в суровые годы войны.

Когда началась война, ей не было девятнадцати, но она умела ползать по-пластунски, владела любым оружием, плавала не хуже бывалых моряков. Анка знала все ходы и выходы в Одессе, могла пройти по всем катакомбам.

Моряки ее любили и оберегали, как сестру.

Все тяготы армейской жизни выносила она с не меньшим, чем мужчины, мужеством. Это о ней и о ее друге — «флагманском сигнальщике» Мике Сурнине написал Леонид Соболев рассказы «Разведчик Татьян» и «Соловей».

На Анку во всем можно было положиться: шла ли она за «языком», наблюдала ли за обстановкой в тылу врага, сообщала ли о продвижении вражеских войск, об их численности, о расположении огневых точек — сведения всегда были точные.

Нелегко было воевать и всегда страшно: пробираться по плавням между камышей, не шелохнувшись лежать часами под лучами прожекторов, отсиживаться в промозглых от сырости катакомбах.

Однажды ночью, оказавшись в расположении немецких частей, Анка провалилась в наспех сделанную землянку. Там оказался офицер. Балка, поддерживающая перекрытие, упала ему на голову и оглушила его. Даже самым осторожным порой свойственна опрометчивость: Анка осмотрелась, решила, что офицер мертв, стала набивать карманы и планшет штабными бумагами. А немец пришел в себя. И не быть бы Анке живой, не подоспей к ней на помощь другой разведчик.

Сведения оказались очень ценными, как рассказывает вице-адмирал Илья Ильич Азаров, участник обороны Одессы:

— Представить бы тогда Анку к званию Героя Советского Союза, наградить бы,— говорит Илья Ильич,— да мы, к сожалению, тогда этого не сделали. Приехал я к разведчикам, спрашиваю: «Что хотите?» А они только и попросили Анке сапожки тридцать шестого размера: ее обувь совсем развалилась.

До самого последнего дня обороны Одессы Анка оставалась в городе, ходила в разведку, помогала эвакуации детей, перевязывала раненых. Ее готовили к работе в тылу врага. Но с отходом наших войск из Одессы она была переброшена в Севастополь.

Об обороне Севастополя сложены легенды. И нет уголка на севастопольской земле, нет улицы, нет дома, который не был бы знаком Анке. Ей приходилось бывать почти на каждой высотке, она знала бойцов чуть ли не каждой батареи, и ее ладная фигурка в морском бушлатике запомнилась тем, кто остался в живых. Анка-разведчица, Анка-санитар, Анка-боец.

Анна помнит, как вжималась в скалу у обрыва Ялтинского шоссе, как пряталась за куст, а над ней на бреющем полете проносился немецкий самолет. Пока летчик разворачивался, чтобы сделать новый заход, она бросилась вниз, не очень-то надеясь, что удастся спастись,— у нее были сведения, которые требовалось срочно передать.

В одном из боев у Херсонесского маяка Анку ранило. Взрывом раздробило скалу, и осыпавшиеся обломки завалили девушку. Ей сдавило ноги, грудь. Контуженная, в беспамятстве, с обгорелыми волосами, она попала в плен.

Анка находила силы утешать подруг, с которыми ее везли в товарных вагонах. А раны ее гноились... Даже немцы не выдержали и на одной из стоянок вывели Анку к санитарному вагону, чтобы ее перевязали. Немецкие санитарки — Анка запомнила их лица — прониклись жалостью к ней, и пока одна перевязывала, другая тайком втолкнула ей в рот шоколад и влила две ложки какао. Но потом пришел офицер, сбросил Анку с операционного стола...

Анка и в плену оставалась коммунисткой. Были допросы, пытки — она молчала. Много раз бежала из концлагерей, из ровенской тюрьмы.

Последний концлагерь был в Саксонии. В этом лагере мало кто выживал. Анка осталась жива.

...Когда Анна вернулась в Одессу, целовала ее камни.

Сейчас ей пишут со всех концов Советского Союза. Мне бы хотелось рассказать о хирурге Михаиле Соголове. Он узнал об Анне из газет. Несколько лет назад он специально посвятил свой отпуск поездке к Анне Макушевой, вместе с ней побывал в Севастополе.

Анна Ивановна безошибочно узнавала места старых кварталов, знакомые только ей ориентиры. В двух местах зарыты ее документы: на Корабельной улице и у Херсонесского маяка. Побывала она и там, но обнаружить ничего не удалось... Кругом все изменилось.

Много лет Анна Ивановна Макушева работает оператором в 5-м Дальницком почтовом отделении, принимает посылки. Хотела учиться, мечтала стать врачом...

Ни годы, ни беды не сломили Анну. Все так же любит она жизнь, так же твердо ее слово — слово старшины II статьи.

— Если грянет беда, я готова опять идти со своими морянами в разведку! Только пусть будет небо всегда мирным и радостным.



Инженеру-строителю, а в прошлом лейтенанту, партизанке во Франции Надежде Иосифовне Лисовец и партизану в белорусских лесах Марселю Сози общий язык найти нетрудно.



На партизанской сходке. Марсель Сози показывает свою фотографию военных лет.

ДОРОГИ ДРУЗЕЙ СОЙДУТСЯ

В. ПОНОМАРЕВ

С Надеждой Иосифовной Лисовец я познакомился несколько лет назад. Тогда она была просто прорабом. Помнится, как на одной из минских строек мне показали неприметную, худенькую женщину...

В войну в Белоруссии действовало свыше тысячи партизанских отрядов, но ни одним из них не командовала женщина, и потому тихую и скромную Надежду Иосифовну сначала было трудно представить командиром боевого отряда да еще в звании офицера французской армии. Однако внешность и на сей раз обманула...

По-настоящему разговорились мы с Надеждой Иосифовной позже. Мы сидели с ней в ее уютной квартире. Беседовали целый вечер.

Беседа наладилась не сразу. Это ведь нелегко — вспоминать о таких днях, когда жизнь могла оборваться в любой момент, жизнь узника гитлеровских застенков... Пытки, голод, непосильная работа, побои, издевательства. Нелегко все это вспоминать, а еще трудней говорить об этом. Надежде Иосифовне помогают сигареты: одна за другой, одна за другой...

О войне она узнала так, как показывают в кино. Вместе с друзьями, студентами Белорусского университета, возвращалась с практики, из Сочи, домой. Утром в вагон зашел новый пассажир, посмотрел на их рюкзаки и дорожные костюмы и спросил:

— На фронт?

— Какой фронт?

— Да ведь война...

Не поверили. На первой же станции подбежали к милиционеру: «Да, ребятки, война... Уже Минск бомбили...»

Много горя обрушила война на молодые плечи: умер муж, умер старший сын, на руках остался младший, двухлетний Валерий, старая мать и больная сестра с четырьмя детишками.

На велосипеде — на первенстве республики Надежда занимала третье место — она перевозила все семейство. То из Минска в деревню, то опять из деревни в Минск. По заданию подпольщиков поступила работать в отдел очистки при городской управе оккупантов — чистила снег на улицах. Работа изнурительная, и люди постоянно менялись. Это и позволило Надежде с помощью подруг заручиться для партизан лишними «аусвайсами» — немецкими удостоверениями вроде паспортов. Но однажды она попала в лапы СД. После допросов, пыток и тюрьмы ее повезли на запад...

Надежда Иосифовна говорит тихо, медленно, в задумчивых глазах боль воспоминаний. Я успеваю записывать почти дословно.

— Выгрузили нас на самом берегу пролива Па-де-Кале. В погожий день была видна Англия... Агенты немецких фирм осматривали нас, щупали мускулы... Настоящий рынок рабов... Я была, видать, еще здорова — взяли на шахту, что в маленьком французском городке. А жили в лагере Эровиль... Длинной-длинной колонной — восемьсот человек — растянулись мы по дороге из лагеря к шахте. Голодные, замученные, словно тени. Если кто падал, охранники не моргнув пристреливали...

Французские рабочие при первом же удобном случае чем-нибудь делились с нами: кто кинет батон хлеба, кто сунет бутылку молока. Там так заведено, что мужчины берут с собой на работу завтраки: в сумку, похожую на противогазную, кладут эти свои припасы. И вот то рабочий, проезжая мимо на велосипеде, незаметно передаст такую сумку, то, смотришь, летит завтрак из окна. Женщины передавали белье, чулки. Ведь многих из нас забрали летом: так в одном платье и ходили. Словом, французы делились с нами, случалось, последним. Как свои близкие люди, как родные.

Мы, русские, были первыми женщинами, спустившимися в здешнюю железорудную шахту. Под землей темень, сырость, духота, многие теряли сознание. Каждый день обвалы: шахта старая, а ремонтировать ее никто не собирался. Там — огромное кладбище русских — ежедневно хоронили по двадцать — тридцать невольников... Так шли дни, недели, месяцы...

Гитлеровцы сопровождали нас только до шахты. Сами спускаться боялись, передавали французам. Наш мастер-француз носил длинные усы. Мы его прозвали «Таракан». Это по-доброму, просто чтобы назвать по-русски. Его помощника мы звали Степаном. Это очень-очень хорошие были люди! Степан, помню, сам говорил нам: «Работай мале. Работай глядом!» Как родной говорил!

Фашисты строили в шахте подземный ангар. Взвалишь на плечи мешок с цементом, пятьдесят килограммов,— перед глазами круги. В шахте, если отстанешь, дороги назад не найдешь: темно. Только у Степана и был фонарь. Шли по двое — руку на плечо впереди идущего. Идем и поем «Интернационал»! И Степан подпевает.

Рядом с нами работали итальянцы, румыны, алжирцы... Русским приходилось хуже всех. Для других действовал хоть Красный Крест, а нам — ничего. Нам помогали французские патриоты. В шахте работал механиком Жорж. Жена ему давала всегда два завтрака — второй для нас... Он сообщал нам все новости.

Однажды меня и Анну Михайловну, мою подругу, Жорж позвал к себе домой. Все это тайно, конечно. В тот вечер у него собралось, наверное, с полсотни его друзей и соседей. Мы сразу догадались, кто они, эти люди!

Жорж и свел нас с партизанами. Повторную встречу организовали в лесу. Договорились о побеге. Сбежало шестьдесят четыре человека. Нас сопровождали французы. Предполагалось, что мы присоединимся к отряду «Сталинград». Но на пути оказался канал, бдительно охраняемый гитлеровцами. Пришлось переменить маршрут, и мы попали в интернациональный партизанский отряд, где командиром был Жак.

Потом создали свой отряд и назвали его «Родина». Командиром выбрали меня. Действовали на шоссе: подрывали автомобили, брали в плен фашистов.

В нашем отряде были две мои подруги, Мария Андриевская и Лариса Самчинская. Мария была медсестрой, ее частенько приглашали и в соседние отряды, когда там нуждались в медицинской помощи. Кстати, она и сейчас работает медсестрой в минской детской больнице. А Лариса теперь учительница, преподает белорусский язык в Дзержинске, под Минском, в новой школе, которую я строила.

12 октября 1944 года вышли из леса в город Верден. Десять месяцев потом мы провели во Франции. Я подружилась с одной женщиной, которая жила неподалеку от города Корби. Звали ее, если теперь не путаю, Лиза Бетхен. Ее мужа, коммуниста, повесили в Париже. И, знаете, когда некоторые из наших поженились,— так вот она была как посаженая мать, что ли... Вот какие это оказались милые, дорогие мне люди, с которыми нас сроднило общее горе и общий дух сопротивления в годы войны.

...Так Надежда Иосифовна закончила свой рассказ. Было уже поздно, и я собрался уходить. Взглянув на часы, Надежда Иосифовна забеспокоилась:

— Валерий, правда, сегодня на занятиях, но все равно ему пора уже быть дома.

Я знал, что Валерий занимался в институте народного хозяйства. Но я знал также, что ему уже за двадцать и что на дворе весна...

— Все это, конечно, так,— согласилась Надежда Иосифовна, имея в виду весну.— Но материнскому сердцу не прикажешь не волноваться. Все мы, отцы и матери, одинаковы, когда дело касается наших детей.

...Вот так мы и познакомились с Надеждой Иосифовной Лисовец. Она тогда была прорабом на минской стройке. И уже, можно сказать, на моих глазах сын ее закончил институт и женился, а сама она стала заслуженным строителем БССР.

Позже я узнал, что в Минске немало людей, у которых с Францией военных лет связано так много.

...В минском парке имени Янки Купалы я увидел Надежду Иосифовну в группе оживленно беседующих женщин. Ларису Лукиничну Самчинскую я знал раньше, а вот инженера-химика Казанского химико-технологического института Раису Николаевну Рылову и пенсионерку из Новгоро-



СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Вы помните, каким был Сережка Тюленин?..

Всей своей мальчишеской жизнью он готовился к подвигу, ждал его. И когда наступило испытание, он принял его, как и все остальные молодогвардейцы, как все оставленные в городе для подпольной работы коммунисты.

При переполненном зале идет в Киевском театре юного зрителя имени Ленинского комсомола спектакль «Молодая гвардия» по ро-

да Розалию Захаровну Фридзон (в партизанском отряде ее звали «тетя Катя») встретил впервые. После войны жизнь разбросала подруг, и они встретились в первый раз. Встретились, чтобы вспомнить былое, рассказать друг другу о нынешнем и, как водится, помечтать.

...Был я как-то в гостях у Георгия Тихоновича Песнякевича, юриста минской базы Белноопсоюза. Перебираю книги в его библиотеке и вдруг — стофранковая купюра с автографами.

— Откуда это, Георгий Тихонович?

— Из Франции.

— Когда вы там были?

— В войну...

Под кличкой «Адам» он был секретарем комсомольской подпольной группы в Минске. В конце 1943 года фашисты арестовали его и после пыток вывезли в город Азбрук (это под Лиллем). Там голод, тиф. Очнулся дней через восемь в монастыре. Французские монашенки подобрали его, выходили в своем госпитале. Потом Георгий бежал в Бельгию. По дороге, когда скрывался в подвале у одного француза, началась бомбежка. Его предупредили: «Уходите, в соседний дом упала бомба замедленного действия!» Песнякевич решил обезвредить бомбу. Партизанский опыт помог. После напряженных саперских минут взрыватель был отделен от корпуса. Если бы бомба взорвалась, француз, который приютил советских беглецов, и его соседи лишились бы крова. В память об этом случае они и подарили стофранковую купюру со своими автографами.

— А это? — спросил я Георгия Тихоновича, рассматривая сувенир монастыря святой Терезы.

— Это мне подарила выходившая меня шестидесятилетняя монахиня «мама Анес». «Бог спас тебя,— говорила она,— веруй в бога». Я, разумеется, остался атеистом, но вера в хороших людей у меня укрепилась. А это парижские фотографии: на одной — французский парень, на другой — группа русских.

— Как зовут крайнюю слева?

— Катя.

— Очень похожа на Екатерину Яковлевну! — невольно воскликнул я.

— Она и есть.

Екатерина Яковлевна Целуйко — врач-физиотерапевт. Работает в Минске, в первой клинической больнице. Я у нее лечился больше года. О многом нам довелось с ней говорить, но она ни слова не сказала о своей нелегкой в прошлом жизни.

...В один из праздничных дней — отмечалась годовщина освобождения Белоруссии — я встретил у Надежды Иосифовны Лисовец Марселя Сози. Он парижанин. Вот как иногда судьба распоряжается: в ту пору, когда Лисовец партизанила во Франции, Марсель Сози находился в партизанском отряде, действовавшем на ее родной земле — в Белоруссии. Сейчас его привело к Лисовец чувство партизанского братства и солидарности. К тому же Марсель Сози тоже строитель. А строителям из Минска и Парижа есть о чем поговорить, когда речь заходит о нынешних днях.

Вместе с бывшими партизанами, ныне рабочими Минского автозавода, Марсель Сози выезжал в леса под Борисов, где базировался отряд, в котором они вместе сражались. На партизанском сходе Марсель Сози сказал:

— Все, что я увидел в Минске, Белоруссии, меня потрясло! Я преклоняюсь перед народом, который так умеет любить свою Родину.

А потом он показывал колхозникам военные фотографии и все искал Наташу — ту самую, которая привела его к партизанам и которую он помнит как свою спасительницу. В те недолгие дни, пока Марсель гостил в Белоруссии, ему не удалось увидеть Наташу, хотя на следы ее он напал. Не удалось еще и Надежде Иосифовне Лисовец и Георгию Тихоновичу Песнякевичу разыскать тех своих французских друзей, которые «как родные» и которых им так хочется обнять.

Но все впереди. И надо надеяться, что дороги друзей сойдутся.

ману А. Фадеева. С первых картин зрителей охватывает настроение тех дней войны, пафос героического прошлого.

Спектакль поставлен режиссером А. Барсегяном очень строго, сдержанно, почти в одной декорации — на фоне громадного красного знамени. Здесь под дробь барабанов в смертный час Проценко и Шульга думают о партии, о тех, кто продолжит их дело, здесь же, осененные алым стягом, дают клятву молодогвардейцы, принявшие из рук коммунистов знамя борьбы.

И, глядя на юных борцов, юные зрители уходят со спектакля воодушевленные их примером.

Г. КОВАЛЕНКО
Фото Л. Еллинской.

КОНЕЦ «СУХАРНОГО» АЭРОДРОМА

Четырнадцатого февраля сорок пятого года части 5-й гвардейской и 6-й армий обошли немецкий город Бреслау и окружили его сорокатысячный гарнизон. Однако ликвидировать его удалось не сразу. Крупные силы вражеской авиации каждую ночь сбрасывали осажденным оружие, боеприпасы и продовольствие. Гитлеровцы не сдавались, они готовились вырваться из кольца... Геббельсовская пропаганда, захлебываясь, расписывала «героев» Бреслау, которые под руководством генерала Нихоффа и гаулейтера Нижней Силезии Ганке вели борьбу «до последнего человека»...

Город нужно было взять как можно скорей.

Но штурм хорошо вооруженного, обеспеченного всем необходимым гарнизона привел бы к большим потерям среди наших бойцов.

Поэтому советское командование приняло иное решение.

В «Истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», в пятом томе, говорится: «Штабом 1-го Украинского фронта было приказано выяснить, с каких аэродромов поддерживается окруженный в Бреслау гарнизон».

Мощные бомбовые удары по воздушным базам врага оборвали последние нити, связывающие осажденных с внешним миром...

Но как удалось обнаружить аэродромы, с которых шло снабжение гитлеровцев, запертых в бреславском котле?

Об этой дерзкой операции рассказывает бывший командир разведгруппы **Борис Петрович ХАРИТОНОВ.**

В мартовский вечер 1945 года желтый автофургон с надписью «Хлеб» на обоих бортах, поскрипывая металлическим кузовом, неторопливо катился по пустынной улице чешского села Поухов.

Хотя время еще было не позднее, в окнах ни огонька: рядом большой Поуховский военный аэродром, приказ о затемнении соблюдается здесь строго.

За околицей фургон свернул вправо на шоссе и вскоре остановился.

Из кабины вышел плотный, одетый в меховой комбинезон шофер, не спеша обошел машину кругом, несколько раз пнул носком ботинка по задним скатам. Закуривая, осмотрелся.

Машина стояла на обочине, возле массивного сооружения из бревен и камней. На многих дорогах Чехии немцы строили такие противотанковые препятствия. Мимо, отчаянно тарахтя моторами, пронесся мотоциклист. Над головой скользнула тень самолета. Моторы были выключены: машина шла на посадку.

Проводив взглядом взлетевшую над аэродромом ракету, шофер щелчком отбросил окурок и открыл заднюю дверцу фургона.

— Все спокойно. Выходите!

Из кузова выпрыгнули на дорогу два рослых фельджандарма в касках, в темных плотных плащах. На груди смутно поблескивали полукруглые металлические бляхи. Вслед за ними вылезли еще трое в разношерстной гражданской одежде. У одного в руках был легкий чешский пулемет. У другого на шее болтался автомат, а на плече он держал головастую дубинку фаустпатрона.

Шофер молча пожал руки всем пятерым, сел в кабину и уехал. Трое в гражданском удобно расположились поодаль в окопе. На шоссе остались два «фельджандарма». Их имена не значились в списках СД и гестапо. Зато среди партизан и подпольщиков разведчики Николай Попов и Борис Бердников были хорошо известны...

...Пекарня в городе Высокое Мыто, которой владел подпольщик Иозеф Смекал, пекла хлеб для немецких воинских частей.

Желтый автофургон, которым управлял сам Смекал, каждый день привозил хлеб и в столовую на аэродроме, а заодно и в лесную деревушку Рзи, к партизанам. Только качество хлеба было разное: партизанам получше, гитлеровцам похуже.

В последнее время пекарня работала день и ночь: сушила сухари. Известно, что летчики «люфтваффе» предпочитают мягкий пшеничный хлеб и сдобу... Кому же предназначена сухарная продукция? Выяснить это мы поручили Смекалу...

Рано утром, когда Смекал привез очередную партию и, стоя около фургона, ждал, пока рабочие аэродромной команды таскали плотные бумажные мешки с сухарями на продуктовый склад, из дверей столовой вышел начальник — толстый интендантский фельдфебель.

— Как поживает пан офицер? — Смекал заискивающе улыбнулся.

Фельдфебель, скользнув взглядом по Смекалу, промычал нечто неопределенное.

— Не могу ли я угостить пана? — продолжал хозяин фургона.— У меня в кабине бутылка отличной сливовицы. Довоенная. Так и прожигает до самых пяток!

При упоминании о сливовице фельдфебель оживился.

— Нельзя на службе...— неуверенно проговорил он.— Разве что по рюмочке?..

Скоро в небольшой каморке около кухни шел целый пир. После каждой рюмки крепчайшей сливовицы лицо фельдфебеля все больше наливалось кровью.

Несколько раз он пытался затянуть песню, но из его огромного, как чемодан, рта вырывались лишь несвязные ревоподобные звуки...

— Эх, жизнь,— сказал наконец фельдфебель, мотая головой,— ни выпить как следует, ни отдохнуть... А тут еще заботы с этими сухарями, будь они прокляты!..

— Наверное, фюрер готовит новое наступление, господин офицер? — притворяясь наивным, спросил Смекал.— Создает запасы...

— Какие к черту запасы?.. Все это идет в Бреслау... Там наших зажали, как крыс!..

Смекалу только этого и было нужно. Оставив фельдфебеля наслаждаться сливовицей в одиночестве, он сел в машину и направился к выезду. На взлетном поле мотор фургона вдруг зачихал. Прихватив ящик с инструментами, Смекал выскочил из машины и открыл капот... Орудуя гаечными ключами, подпольщик внимательно огляделся и несколько раз щелкнул фотоаппаратом, который извлек из того же инструментального ящика... Так мы узнали, что полк бомбардировщиков «хейнкель-111», базирующийся на аэродроме Высокое Мыто, совершает полеты к осажденному Бреслау.

Разведать другой аэродром — Поуховский,— около Градца Кралове, отправился по нашей просьбе бывший штабс-капитан чешской армии Милослав Вовес (сейчас он полковник в отставке, живет в Праге).

Вовес понимал толк в разведке, имел в Градце Кралове много друзей и мы были уверены в успехе его поездки.

Однако, когда Вовес вернулся, мы были обескуражены.

На аэродроме базировались тяжелые трехмоторные транспортные «юнкерсы-52» и много транспортных планеров.

По ночам «юнкерсы», прицепив планеры, улетали на северо-восток. А когда возвращались, планеров на прицепе уже не было... Куда же летали самолеты? В Бреслау? Но мы-то знали, что посадочной площадки в осажденном городе уже нет!..

А штаб фронта торопил. Посылал повторные запросы.

Нужно было взять «языка». Доставить группу захвата к аэродрому в Градце Кралове взялся тот же Смекал...

«Фельджандармы» Попов и Бердников расположились под большим фанерным щитом, который белел перед надолбами противотанкового препятствия.

Попов, который по-немецки говорил ничуть не хуже, чем по-русски, присветил фонарем, прочитал: «Wo der deutsche Soldat steht, dort kommt niemand mehr hin!» (где стоит немецкий солдат, там уже никто не пройдет!)

— Здорово звучит! Особенно сейчас!..— усмехнулся он, переведя текст Бердникову.

Ждать пришлось недолго. Впереди за холмом задрожали отблески света фар. Бердников приготовил автомат. Попов вышел на середину дороги, несколько раз поднял и опустил руку с красным фонариком. Черный лимузин «БМВ», взвизгнув тормозами, остановился: приказ фельджандарма обязателен для всех. Погас свет фар. Попов подошел, осветил фонарем сидящих, заглянул в машину.

— Fahren sie weiter! — скомандовал он, отступая в сторону.

Взревев моторами, машина умчалась прочь.

— Ты что?.. Ты зачем отпустил? — зло спросил Бердников. Голос его срывался от пережитого напряжения.

— Чудак! У них черные погоны... Это же танкисты! Ни черта они не знают!.. А ну прячься за стенку. Видишь, сколько прет!

За бугром заполыхало целое зарево. Мимо один за другим промчались огромные тупорылые грузовики. Из-за высоких бортов виднелись ряды касок.

— Уф!..— облегченно вздохнул Попов, когда колонна скрылась из виду.— Ну...

Он не договорил. В наступившей тишине раздался треск мотоцикла.

— Проверим! — сказал Попов, поднимая руку с фонариком.

Мотоцикл остановился. Мотор редко похлопывал на малых оборотах.

— Dokumenten! — распорядился Попов.

Немец, который сидел в коляске, расстегнул шинель. На кителе мелькнули розовые петлицы с белыми птичками.

— А вот это то, что надо! — сказал Попов, с размаху опуская на голову водителя автомат.

Бердников всей тяжестью навалился на гитлеровца в коляске.

Подоспевшие партизаны помогли скрутить «пострадавшего» и на всякий случай забили ему в рот кляп...

И вот унтер-офицер зенитчик Эрвин Решке сидит передо мной. Он готов на все, лишь бы остаться в живых.

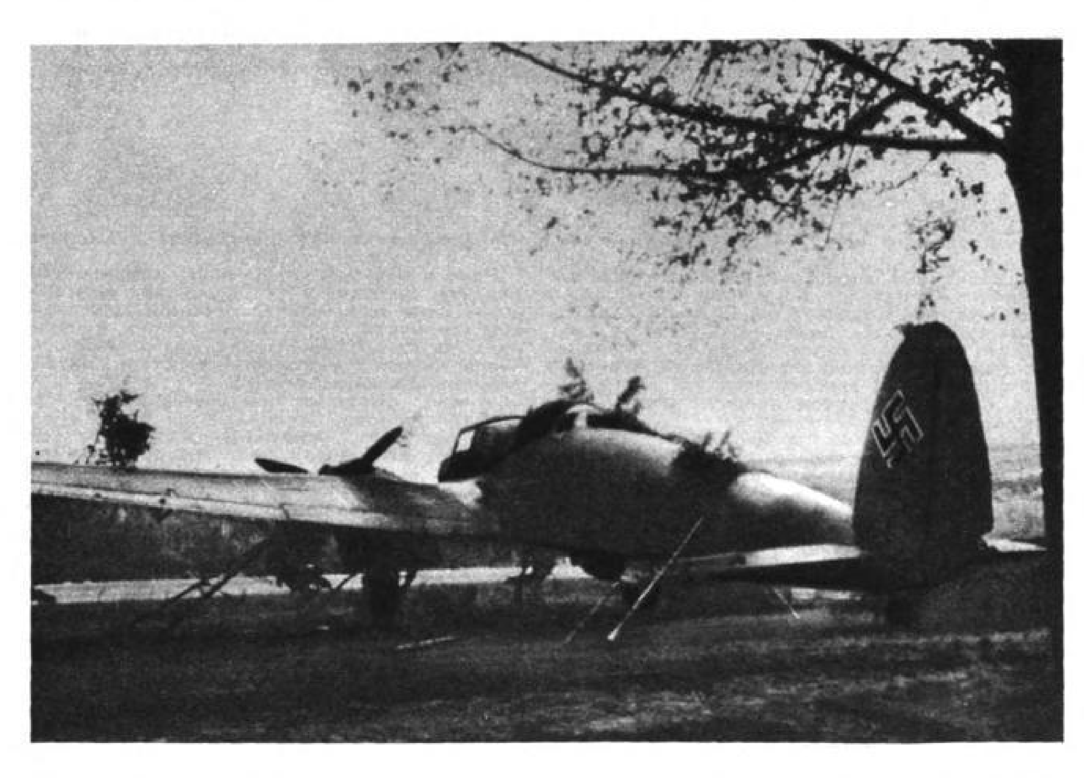
А знает Решке немало. Да, Поуховский аэродром у Градце Кралова работает исключительно на Бреслау. Отсюда на большегрузных планерах шло главное снабжение осажденного гарнизона — продовольствие и боеприпасы, главным образом противотанковые снаряды, фаустпатроны и панцершреки.

«Юнкерсы» буксировали планеры к фронту. Там планер отцеплялся и бесшумно планировал к городу, ориентируясь на пожары. Приземление происходило на площади, которую немцы расширили, взорвав окружающие ее дома.

Вскоре наша авиация нанесла сокрушительный удар по Поуховскому аэродрому. А аэродром в Высоком Мыте разгромила партизанская группа под командованием Виктора Осипова.

На другой день Смекал съездил на аэродром и сфотографировал сожженные бомбардировщики. Снимки получились четкими. Но если б они вышли и похуже, мы б рассматривали их с не меньшим удовольствием. Еще бы! Есть ли большая радость для партизана-разведчика, чем успешно выполненное боевое задание!

Лишенный поддержки, гарнизон Бреслау капитулировал 6 мая 1945 года. Советским войскам сдались в плен свыше 40 тысяч солдат и офицеров во главе с Нихоффом.



Этот вражеский самолет с риском для жизни сфотографировал чешский подпольщик Иозеф Смекал.



Гитлеровский аэродром разгромлен.



Николай АСАНОВ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ:

Приготовления к празднику

Нонна встретила его на пороге: собиралась уходить. Алексей окинул ее рассеянным взглядом — платье серебристого цвета, модные туфельки, тоже серебряные, пышно взбитые волосы — и удивленно сказал:

— А вы сегодня очень хороши!

— Да что вы?— Она усмехнулась.— А мне казалось, что наши молодые ученые видят красоту только в одном существе женского рода — физике.

— Ну, не совсем так. Некоторые даже женятся!— не очень ловко парировал он.

Ему было трудно разговаривать с Нонной. Нонна постоянно менялась. Во время опытов она показала себя прекрасным товарищем и держалась свободно. Ей очень подходила роль помощника, весьма чутко реагирующего на все перемены в настроении и обстановке, умеющего принять шутку, когда ты в состоянии пошутить, подбадривающего, если тобой овладевает уныние. По-видимому, этой черте характера она научилась у Бахтиярова: экспериментаторы постоянно переходят от надежды к отчаянию, а Бахтияров был руководителем очень большого эксперимента и уж, наверное, отвечал на все перемены в настроении своих помощников с чуткостью музыкального инструмента. Вот она и научилась быть доброй, скромной, сильной, научилась верить в победу или хотя бы показывать, что верит в нее.

Но сейчас в этом серебряном одеянии Алексей ее не узнавал. Так и казалось, что за каждым ее словом стоит другой смысл. А может, он снова подпадает под ее власть? «Ну, уж этого-то не будет!»— подумал он.

Они вышли из института. И тут Алексей заметил, что все мужчины, идущие навстречу, внимательно оглядывают Нонну и оборачиваются ей вслед. А женщины, мгновенно оценив Нонну, переводят глаза на него самого, и во взглядах их сквозит удивление: кто, мол, ты такой при ней?

И еще больше рассердился. Теперь уже на себя. Худой, узкоплечий, с утомленным лицом, в самом деле, какой же он спутник для этой надменной красивой женщины, отлично сознающей свою привлекательность? Он искоса посмотрел на спутницу и вспомнил, как сам был готов гнаться за нею хоть на край света...

Алексей даже обрадовался, когда они дошли до знакомого дома. Он и теперь редко заглядывал сюда... Но то, что он сейчас войдет в этот дом, совсем не повторение пройденного. Больше никаких страданий!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 10—18.



СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ.

Рисунок П. Пинкисевича.

Он будет насмешливым и равнодушным... И посмотрел на Нонну, возившуюся с ключом, с некоторым подозрением: зачем она пригласила его? Прочитать статью можно было и в институте...

— Ужинать мы пойдем позже в ближайший ресторан. Все наше хозяйство на даче. А пока давайте вашу рукопись! — приказала Нонна.

И Алексей, только что клявшийся быть с нею насмешливым и равнодушным, торопливо (слишком торопливо!) вынул из папки свою работу.

— Не дышите мне в затылок, пока я стану изучать ваше гениальное произведение, я этого не люблю! — строго предупредила она. — Лучше всего садитесь на диван, оттуда вы не сможете подсматривать за мной и считать страницы.

Он послушно уселся на диван. С этой позиции он видел ее только в профиль. И опять забыл все свои обещания.

Вот Нонна поджала губы (какую же я напорол там чепуху?), вот рука ее потянулась за карандашом (а ведь она обещала ничего не трогать!), вот она вычеркнула что-то и надписала меж строк (надо тотчас же встать, взять рукопись и уйти!).

Но уйти он не мог. И сидел, как казнимый.

— А хоть половину ваших формул нельзя вычеркнуть? — невинно спросила Нонна.

— Вы с ума сошли! — встревоженно закричал Алексей.

Ее карандаш опять забегал по бумаге.

— Подумать только, все ученые мира специально учатся писать популярные статьи, а наши — чем темнее, тем лучше! — скучным голосом сказала она. — Неужели вы в состоянии читать то, что пишет Кроха?

— Кроха давно ничего не пишет, он только подписывает. А авторы подписанных им работ иногда высказывают оригинальные мысли.

— А эту работу он тоже подпишет?

— Только через мой труп!

— Тогда мне скоро придется проливать слезы.

— Вы можете обойтись без насмешек? — вскипел он.

Нонна подняла глаза от листа, задумчиво посмотрела на него, сказала даже как бы с материнским участием:

— Боже мой, какой же вы еще несмышленыш, Алеша! Недаром Кроха называет вас «дитя природы»!

Им внезапно овладела подозрительность, почти такая же, которую он так не любил в Чудакове. Ярослав всегда жаждал полной информации. Но мир, в котором существуют Кроха и Подобнов, опасен, если не знаешь, чего от них ждать. И требовательно спросил:

— Что вы знаете о намерениях Крохмалева?

— Разве дело в Крохе? — с оттенком усталости и недовольства в голосе сказала она. — Кроха так испугался ваших анти-ро-мезонов, что написал бы донос, если бы знал, куда писать. В святую инквизицию? Но она под рукою папы римского! — совсем словами Крохи и с его интонацией произнесла Нонна. И вдруг словно испугалась чего-то. Во всяком случае, заговорила о другом и чересчур взволнованно: — А вы знаете, Алеша, я даже не ожидала, что вы можете написать так ясно и отчетливо! И ведь всего каких-то шесть страничек! Если бы не формулы, которые торчат, как частокол, чтобы любопытный прохожий не пробрался в ваш сад красноречия, такую статью поняли бы и дети!

«Дались им эти дети!» — со злостью подумал он. Но было ясно: больше она ничего не скажет о Крохе, если даже и знает что-то еще.

Между тем Нонна аккуратно сколола листы и подала рукопись автору. Он машинально заглянул на ту страницу, где она что-то черкала. Смотри, пожалуйста, прирожденный редактор — ухитрилась так сократить, что слов стало меньше, а мыслей больше!

— А сейчас ужинать! — с удовольствием пропела Нонна. Она торопливо покинула Алексея, и он снова подумал: боится, что я вернусь к разговору о ее предостережении. Но что может предпринять Кроха?

Думать за Кроху он не умел. Существуют такие люди, от которых можно ждать чего угодно, но думать за них? Да пропади они пропадом! Это Чудаков умеет представлять их мысли и даже предугадывать поступки, так пусть он этим и занимается! А у Алексея достаточно своих хлопот...

И сразу стало легче жить. Вот сейчас они пойдут в ресторан, поужинают, может быть, даже потанцуют. Неужели, он не заслужил отдыха? А неприятности, если они предназначены, придут своим чередом.

Он спрятал статью в портфель и закрыл замок. И этот металлический щелчок как будто начисто отгородил его от всех тревог. Конечно, выпускать джина из бутылки опасно, но если ты можешь загнать его туда обратно...

Вошла Нонна, ставшая словно еще красивей, и он чуть не забыл свой портфель на диване. Но она успела превратиться в такого заботливого товарища, что тут же напомнила о том, что ждет ротозеев, теряющих важные, пусть и не совсем официальные документы. Он прижал портфель к груди, хотя, честно говоря, не портфель хотелось ему прижимать сейчас, и вежливо пропустил очаровательную спутницу вперед, в дверь, которая закрылась с тем же металлическим щелканьем, которое как будто начисто отгораживало их обоих от всяческих забот и неприятных мыслей.

— В «Южный»? — спросил он, выйдя из подъезда.

— Ну что вы, Алеша, в такую жару? Поедемте в Химки!

Он подумал было о том, что до зарплаты еще далеко, но вспомнил, что Аннушка Чудакова как-то умеет беречь деньги, у нее всегда можно занять, и торопливо помахал рукой свободному такси.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ:

Взрыв

В пятницу вечером перепечатанная на машинке статья лежала на столе у Михаила Борисовича. Вечер был яркий, солнечный, с зелеными тенями от деревьев под окном, с птичьим хором из институтского сада, с запахом горячего, политого водой асфальта. Лица друзей и знакомых, поздравлявших Алексея с окончанием его великолепной работы, были веселы. Что работа была великолепной, знали все. Он — тоже.

Михаил Борисович читал, то приближая бумагу к самому носу, то отставляя подальше, будто склевывал особо понравившиеся зерна, но даже эта манера чтения сейчас веселила Алексея. Другие статьи Михаил Борисович читал далеко не столь внимательно.

— Весомо! Весомо! Архифундаментально! — приговаривал Михаил Борисович, и Алексею стало казаться, что зря он послушался Нонну и выбросил почти половину статьи. Сколько бы он выслушал еще комплиментов!

Но вот Михаил Борисович дочитал до конца, откинулся в кресле, с веселым оживлением поглядел на Алексея и уже другим тоном сказал:

— Ну, молодец! Ну, удивили! — Теперь в его голосе сквозило подлинное изумление.

— Это ведь не только я, — скромно заметил Алексей.

— Ну уж не отпирайтесь! — живо подхватил Михаил Борисович. — Мысль острая, современная, живая! Нет, нет, фундаментально! Утерли нос всем! Я рассказывал вчера Ивану Александровичу о вашей новой работе, и, знаете, у него сразу появилась архиоригинальная мысль о практическом применении античастиц. Кстати, вам говорили, что в институте металлов ваши положительные ро-мезоны уже пытаются применить для поляризации металлов? Не слышали? Ну, так вот, с вас магарыч! — Он дурашливо потер руки, изображая продавца после хорошей сделки.

— Какой магарыч? За что?

— А с премии! За изобретение! Иван Александрович идеи нашего института задаром не отдает. И патент на использование ро-мезонов оформит и премию изобретателю выбьет! Конечно, — тут он лукаво улыбнулся, — придется вам поделиться с авторами прибора, в котором ваши ро-мезоны будут использованы, но, думаю, профит будет немалый! Тем более, что такой металл ждут создатели космических кораблей!

Ну и Михаил Борисович! Как точно он знает, чем и как покорить сотрудника! Еще в первые дни эксперимента, когда ро-мезоны потекли на установке выделенным потоком, Алексей подумал, что каждая такая частица сможет в будущем стать дополнительным креплением для любого атомного ядра. Но потом начались споры с Крохой,

затем ро-мезоны словно бы исчезли из поля зрения института и его руководителей, а вот ведь Иван Александрович не забыл о них и уже увидел возможность практического их применения. И Михаил Борисович нашел самый нужный момент, чтобы порадовать открывателя...

Тут он вдруг всполошился:

— Позвольте, Михаил Борисович, но что же практически могут дать античастицы, если они пока появляются чуть ли не через десять минут?

— Об этом вы можете не беспокоиться! — утешил его Михаил Борисович.— Есть ведь и такие атомы, в которых связи ослаблены. А уж из них античастицы потекут, как песок сквозь пальцы! Подсказать нужную мысль Иван Александрович умеет!

Алексей почувствовал, как лицо его расползается в неудержимой улыбке. Некстати, конечно,— ведь он пришел для важного разговора. Но признание заслуги для каждого человека праздник. Ведь теоретики, разрушая ядро атома, часто и не предполагают, какие выводы сделают из их опытов «смежники»— биохимики и физиохимики, космологи... И не так уж часто случается, что работа, законченная вчера, завтра окажется донельзя нужной другим... И он, не в силах пригасить улыбку, благодарно глядел на Михаила Борисовича, так кстати порадовавшего его.

— Как же мы будем подписывать ваш новый опус? — поинтересовался Михаил Борисович. Голос прозвучал обыденно, но именно эта обыденность и спугнула улыбку с лица Алексея. Он сам почувствовал, как напряглись все мышцы, словно лицо одеревенело. Начинается! А Михаил Борисович, словно и не примечая никаких перемен, тем же добродушно-обыденным тоном спросил:

— Подпишем всем синклитом или у вас есть свои предложения? Я тут подготовил титульный лист для вашей статьи,— завтра отправляем в набор! — Он говорил все оживленнее.— Иван Александрович решил включить для нашего отдела на сей раз зеленый свет,— статья идет в номер, который уже сдан в типографию. Решили выбросить какую-то университетскую чепуху! Что нового могут они сделать без хорошего ускорителя? — Говоря все с большим оживлением, он отыскал на столе и положил перед Алексеем листок бумаги с названием статьи и списком авторов.

Алексею достаточно было одного взгляда, чтобы в мозгу отпечаталось и едва ли не навечно:

АНТИ-РО-МЕЗОНЫ СУЩЕСТВУЮТ

И чуть пониже — список:

Член-корреспондент АН КРАСОВ М. Б.
Кандидат ф.-м. наук ПОДОБНОВ С. М.
Кандидат ф.-м. наук КРОХМАЛЕВ С. С.
Кандидат ф.-м. наук ГОРЯЧЕВ А. Ф.
Кандидат ф.-м. наук ЧУДАКОВ Я. Я.

Ни имени Вальки Коваля, ни имени Нонны в списке не было.

А ведь Алексей своею рукой написал на черновике статьи их имена. Но не написал три первых имени.

Он почему-то вдруг отчетливо увидел статую Ники. Она улетала. Алексей даже почувствовал на лице трепет ее крыльев. Впрочем, может быть, это пахнуло ветром из раскрытого окна.

Так же непоследовательно вспомнил он Дубну, нелепое состязание с Тропининым, ночь в лаборатории Богатырева. И то, как тогда искренне хотел, чтобы все его добровольные помощники и помощницы были указаны хоть петитом на первой странице работы об античастицах. Этого не будет. Никогда! Будет другое: список, предъявленный ему Красовым.

А Красов здорово приготовился. Этот титульный лист он составил, наверно, еще до конца работы над античастицами. Это и понятно: Михаил Борисович всегда верил в «легкую» руку Алексея. Он сам говаривал, и даже не очень уж посмеиваясь, о своей вере. Так почему бы ему и не составить список авторов заранее? Ходить в «преисподнюю» ему было не нужно. А размышлять в свободные минуты о будущем так приятно!..

Алексей с трудом оторвал взгляд от бумаги и взглянул на Михаила Борисовича.

На лице Красова сияла привычная благодушная улыбка, однако глаза были холодные и смотрели пристально, словно гипнотизировали Алексея. Горячеву показалось, что он впервые видит эти глаза — такие знакомые — по-настоящему. Они оказались пронизывающими, чужими. Алексею даже стало вроде бы трудно дышать...

Какие-то слова были, кажется, готовы сорваться с языка, и Алексей знал, что они будут гневными. Но сил почему-то не хватало. Привычка к подчинению? Неуверенность?

В это время в кабинет вошла Нонна.

Она словно бы сразу оценила сцену, открывшуюся ей. Вот взгляд ее скользнул по листку, который держал перед собой Алексей, по его лицу — Алексею стало противно самого себя, таким бессильным он, наверно, выглядел,— потом взглянула на отца. Михаил Борисович поморщился, но она этого, казалось, не заметила. Остановилась у стола, положила перед отцом ключ от квартиры.

— Ты опять забыл ключи, папа, а я, вероятно, из института сразу уеду на дачу. О, да я, кажется, попала на крестины? Поздравляю! — Она взяла рукопись Алексея, как будто до этого и не видала ее, подержала в руке, словно взвешивая, пошутила:— А дитя могло бы быть и посолиднее! Вон сколько у него нянюшек! — бросила рукопись на стол и забрала из негнущихся пальцев Алексея титульный лист.

Михаил Борисович небрежно сунул ключ в карман, но на дочь не взглянул, словно ждал, когда она уйдет.

Однако Нонна ничуть не смутилась. Небрежно опустившись в кресло напротив Алексея, она молча изучила листок и положила его на рукопись.

— Значит, руководство института убедило вас, Алексей Фаддеевич, что Крохмалев и Подобнов вполне достойны подписать вашу работу? — Фамилию отца она как будто и не заметила.

Нонна говорила невинно-шаловливо, словно превратилась в неразумного ребенка, знающего, однако ж, что устами младенцев глаголет истина. Говорила, переводя очаровательно-наивный взгляд с Алексея, который начал бледнеть, на отца, который медленно багровел. И вдруг, побледнев сама, теперь уже без притворного наивничанья, вскрикнула: «Папа, тебе плохо?» — зазвенела графином о стакан, подала воду отцу, а тот, с усилием сделав глоток, пробормотал:

— Ты когда-нибудь убьешь меня, Нонна!

Теперь она сидела, опустив глаза, смирная, но видно было, что ее не выгонишь. Разве только схватить в охапку и вышвырнуть. Хоть бы в окно. Оно, кстати, открыто.

Михаил Борисович покосился на Алексея. Теоретик сидел белый, губы у него дрожали.

Ах, негодяи! Держу пари, что они сговорились! Ах, наивненькие младенцы, которым в пору сидеть в инквизиторских креслах! Они сговорились, они предали тебя. Ну уж куда бы ни шло — этот размазня Алексей, «божий человек», но и она, твоя собственная дочь, предала тебя! А теперь сидит и жалеет бедного папочку, бросилась со стаканом воды, хотя только что готова была стрелять и целилась в сердце! А тут, видите ли, испугалась инфаркта!

Михаил Борисович вдохнул воздух. В ушах еще шумело, голова кружилась, но он уже видел все: вот этот размазня, вот дочь, предавшая отца! В общем, она никогда не считалась с его интересами. Они, конечно, сговорились!

Но глаза видят! И он видит их насквозь! Нет, такой невинной шалостью его не столкнешь и не уронишь! Мы еще повоюем, милая дочь!

Он откинулся в кресле, склонив голову набок, и заговорил властно, тяжело, отделяя слово от слова многозначительными паузами:

— В институте, молодые люди, действительно есть руководство! И, судя по общим успехам, неплохое! А вы к числу руководителей не принадлежите. Вы всего-навсего исполнители. Не спорю, возможно, отличные. Но это еще не дает вам права осуждать работу руководителей. Для этого есть люди повыше рангом...

— Папа! — мягко сказала Нонна.

— Нет, уж позволь мне договорить! — Он предостерегающе поднял руку. Глаза у него опять стали холодные и жесткие.— Эта работа принадлежит институту, а не отдельному физику. Она выполнена силами института, на машинах института, по общему институтскому плану. И руководству угодно, чтобы в числе авторов были названы Крохмалев и Подобнов. И я... ваш покорный слуга. А ниже можете называть кого угодно: Чудакова, Горячева или, скажем, Нонну Бахтиярову!

Нонна медленно встала и, словно слепая, прошла вдоль кабинета с вытянутыми руками, наткнулась на книжный шкаф, отодвинула стекло, вставленное вместо дверцы, и вытащила десятка два брошюр и оттисков. Так же медленно, неся легковесные эти книжки на вытянутых руках, она вернулась к столу и уронила их перед отцом.

— Значит, и эти книги писал не ты?

Михаил Борисович молчал, испуганно глядя на дочь. Только теперь Алексей вдруг понял, какая тяжесть легла с недавних пор на сердце Нонны. Слушая постоянные споры Алексея, Ярослава и Коваля о том, кто из руководства института подпишет новую работу, о которой она **т о ч н о** знала, что никто, кроме них самих, не шевельнул пальцем для осуществления этой идеи, Нонна постепенно пришла к мысли, что и отец ее уже давно живет на проценты с прошлого капитала знаний. А задумавшись об этом, не могла не дойти и до той мысли, что и знаний-то у отца давно уже нет, есть **з в а н и я**, полученные еще тогда, когда он что-то умел и понимал. И со всей жестокостью, свойственной молодости, безоговорочно осудила отца. Она ждала лишь последнего доказательства, чтобы увериться в своей правоте, и доказательство это отец дал ей сам. Она все еще жила в том чистом и честном мире, в который ввел ее Бахтияров. Ведь для Бахтиярова каждый работник стоил ровно столько, сколько он **у м е л**. А сам Бахтияров, как и всякий практик, не нуждался в том, чтобы кто-то вплетал в его венок лавровые листики из своего супа, да и венков-то там, у практиков, не раздают. И там проще понять, кто чего достоин, кто и что сделал, и результатом работы всегда является нечто грубое, зримое, что можно ощупать руками, если не веришь глазам...

И еще Алексей понял: Нонна знала, что ожидает их, открывателей, догадалась, разобралась по обмолвкам отца или Крохи. И тогда-то ей и пришло в голову укрепить Алексея в его «злонамеренной» мысли — не отдавать эту последнюю свою работу в чужие руки. Она вспомнила о Нике, вещи бесценной, помогавшей, как, наверное, видела она, ее мужу становиться на ноги после любой неудачи. И Нонна принесла Нику Алексею, чтобы сказать без слов: «Боритесь!»

Да и откуда было Нонне знать, что в их институте, не без влияния Михаила Борисовича, любая идея, кем бы она ни была выношена, режется на кусочки, как лента золотой тесьмы, и в виде шевронов нашивается на мундиры давно уже отвоевавшихся вояк. Ведь чем больше на их мундирах этих чужих галунов, тем больше получают они почестей. Никто не спросит: «А за какое такое сражение на вашем рукаве появилась новая нашивка?» Институт-то работает, выдает, как говорится, на-гора́ свою продукцию, следовательно, всякая кроха пашет... Ведь сказал же Михаил Борисович только что, будто любая работа принадлежит не отдельному физику, а всему институту, и что авторами будут названы те, кого сочтет нужным назвать руководство...



Так против кого же они, молодые, собираются выступать? Против руководства?

Он уткнулся взглядом в рассыпанные по столу брошюры, а взгляд, независимо от его желания, отмечал, что книг этих Михаил Борисович не писал, кроме разве что самых старых, пожелтевших от времени, каждая из которых в наши дни оборачивалась горой ошибок. Но на тех брошюрах фамилия Михаила Борисовича гнездилась где-то далеко внизу, а за последние годы поднялась вверх и ныне возглавляла большинство книг из тех, что Нонна уронила на стол.

А Нонна, требовательно глядя на отца, повторяла свой вопрос:

— Значит, не ты? А кто же?— И так как Михаил Борисович все еще молчал, еще жестче сказала: — Да как же это так?!

Михаил Борисович резким движением руки смахнул все книги куда-то за себя, в угол, и, ухватившись за доску стола, медленно поднимался на ноги. Алексею показалось, что он вот-вот рухнет, но, нет, старый боец выпрямился, властно протянул руку к двери и приказал:

— Вон! И немедленно!

Нонна взглянула на отца — в глазах ее Алексей явственно увидел страх,— начала отступать от стола — шаг, два, три —и вдруг резко повернулась и выбежала. Тогда Алексей, ни слова не говоря, сгреб со стола растерзанные листы своей рукописи, прихватил и титульный лист, сунул все в карман и выскочил вслед за нею.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ:

Атака

Нонны нигде не было. В таком состоянии — он знал это по себе — любой человек может сделать поспешный и опасный вывод. В сущности, у нее вторично рушилась вся жизнь. Возвращение домой — после долгих лет страдания — стало для нее началом или, точнее, воскресением. А что ждет ее теперь?

Сначала Алексей бросился было в вычислительный отдел и, только протопав с полкилометра по пустым коридорам, вспомнил, что рабочий день давно кончился, и в отделе, надо думать, пусто. Но Чудаков, наверное, ждет...

Нонна сидела перед Ярославом в позе, полной горя, и монотонно повторяла:

— Как же это можно? Как же это можно?

Коваль стоял спиной к ним, прижавшись лбом к решетке подвального окна, за которым, кроме идущих ног, ничего не было видно. Должно быть, он занял эту позицию сразу, как только прибежала Нонна. Алексей, входя, заметил, как Коваль переминается с ноги на ногу. Устал, а обернуться к этим двоим не хочет. Пусть знают: он не с ними. Ну, а я-то с ними?

Он вспомнил, как взял из-под носа у ошарашенного Михаила Борисовича статью, нервно засмеялся, но тут же умолк. Ярослав глядел непримиримо-враждебно, а Нонна все повторяла:

— Как же это можно? Как же это можно?

Алексей независимо прошел к столу и положил статью перед Ярославом.

— Вот!— Он указал на титульный лист с фамилиями авторов.

— Ну и что?— спросил Ярослав.— Руководство высказалось.

— Но зачем им понадобилось тащить сюда Кроху и Подобнова?

— Можешь получить полную информацию. Через два месяца выборы новых академиков. Михаил Борисович надеется, что его изберут в академики, а Кроху собирается выдвинуть в члены-корреспонденты. Подобнову давно обещана докторская степень, а работ у него — кот наплакал.

—Но при чем тут мы и наша работа?

— Она очень вовремя подвернулась,— сухо сказал Ярослав.— И нам предложили отличную цену: если у них все пройдет гладко, мне ускорят защиту докторской, тебе дадут звание старшего научного сотрудника... Чем плохо?— В голосе его прозвучал иронический вызов.

— А если мы не согласимся?

— Этот вариант тоже обсуждался. Можем искать другую работу. Я пойду в дворники, ну а тебе прямой смысл стать тапером, тем более, что музыку ты не бросил.

— И ты промолчал обо всей этой «информации»?

— А что я мог сказать? Сколько ни кричи ребенку, что огонь обжигает, он будет тянуться к огню. А потом придет мама и положит примочку.

— Ну, в твоем мире все дети должны быть сиротами...

— Попроси помощи у Нонны. Она сердобольная.

Нонна, казалось, не слышала. Она сидела на неудобном стуле в неловкой позе, привалившись к столу, как будто боялась упасть. Алексей невольно покосился на нее. О чем она думает?

Нонна словно бы отсутствовала. Может быть, она еще спорит с отцом? Хотя о чем тут можно спорить? Тут надо или прощать, или уходить...

Нонна подняла голову, вдруг спросила:

— А если сходить к академику?

Коваль оторвался от решетки, оглянулся:

— Академик сказался больным и направил нас к заму. Расскажи, Ярослав!

Алексей подвинул ногой стул, сел на него, уставился взглядом в злое лицо Чудакова и резко сказал:

— Рассказывай!

— Я уже все рассказал. Заместитель директора любезно снабдил нас полной информацией. Высшие интересы института требуют, чтобы мы немного потеснились на первой странице работы и впустили туда и Михаила Борисовича, и Кроху, и Подобнова.

— А если мы все вместе подадим заявление об уходе из института?— спросила Нонна.

— «Коллективочка»? — Чудаков язвительно присвистнул.— Конечно, времена не те, но за такую «коллективочку» все равно по головке не погладят. Тут уж действительно придется идти в дворники. А Нонна откроет прием учеников для подготовки в музыкальное училище...

— Послушай, Ярослав,— сказал Алексей,— а ты не думаешь, что твоя сардоническая усмешка—сейчас не очень благородный способ уйти от борьбы? Ты всегда утверждал, что мы похожи на слепых щенков, один ты умудрен жизненным опытом. Что же ты нам теперь посоветуешь?

Он вдруг увидел, что лицо Ярослава както посерело, обмякло. Перед ним сидел совсем не тот непреклонный, язвительный исследователь, одинаково хорошо разбирающийся и в физике и в жизни, которого они знали много лет, а усталый человек. И он уже не был похож на взъерошенного мальчика. Только эта внезапная перемена и показала им всем, как же, в сущности, плохи их дела...

И Алексею стало жалко товарища.

— Извини, Ярослав,—тихо сказал он.— Нас не поссорят. Мы всегда будем вместе. И сейчас мы сообща подумаем, что нам делать.

Коваль тоже подошел поближе к столу, но остался стоять, подпирая стенку.

— Бросьте эту кость собаке, и она завиляет хвостом,— угрюмо посоветовал он.

— Нет!— твердо ответил Алексей.— Мы должны помнить, что думаем не о себе. Таких, как мы, безымянных поставщиков идей и мыслей, много. И мы отвечаем не только за себя, но и за них. И никто не вправе красть наши идеи, замыслы, открытия...

Он вдруг замолчал, словно прислушиваясь к чему-то, рождающемуся в нем, к какой-то мысли, которая нетерпеливо пробивалась в сознание. Он знал, что эта мысль существует в нем уже давно, только он никогда не решался высказать ее вслух, а теперь она напоминала о себе, требовала, чтобы он дал ей дорогу.

Он спокойно высказал эту мысль:

— Надо написать в Академию наук. Пусть наше мнение услышат и там.

Ярослав поднял на него удивленные глаза. В них что-то заблестело: одобрение или вера? И Нонна тоже с удивлением смотрела на Алексея, и в ее глазах тоже пробивалась живая улыбка. И Алексей, уже утвердительно, сказал:

— Значит, пишем!

— Ну, что ж, пожалуй, ты прав, будем писать...— медленно проговорил Ярослав.— Но уж если заваривать кашу, то покруче!— снова становясь собой, таким же жестким и язвительным, добавил он.— Заявления об уходе мы тоже подадим! Нас от науки не отставишь, а вот оставить институт без науки мы можем!

— Значит, ты говорил с заместителем об этом?

— Я просто сказал, что мы можем уйти в другой институт. Заместитель был так добр, что сообщил: нам дадут такие характеристики, что в другой институт мы сможем поступить разве что вахтерами. Но я склонен попробовать...

— Без меня,— устало сказал Коваль.

— «Цыпленки тоже хочут жить»?— спросила Нонна.

— Нет, я просто рабочий от науки. И не гожусь в мученики. Мне и в армии выписывали двойную порцию еды. Поститься я не умею. Вот так. Значит, без меня. Простите.

— Ну что ж, Петр, прощай!— с печалью в голосе произнес Ярослав.

— Почему Петр? Меня зовут Валентин!

— Так звали одного рыбака, который в течение ночи трижды отрекался от своего улова... Ладно, Валя, иди...

Они не смотрели ему вслед. Ярослав вынул из стола бумагу, протянул Нонне, сказал.

— Ну, начали. Тебе, Алексей, приходилось писать докладные записки? Мне—нет. К кому мы обращаемся? Впрочем, это мы выясним потом...

Продолжение следует.

МЕДАЛЬ ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

Алексей ГОЛИКОВ

Над Берлином висит туча дыма и пыли. Грохот боя достигает порой такой силы, что здесь, в Мальхове, пригороде фашистской столицы, вода в ведрах идет мелкой рябью. Воду я принес, чтобы напоить коров. Их в хозроте нашего гвардейского тяжелосамоходного полка три. Молоко поставляем в лазарет раненым.

То, что в такой полк попал,— большая удача. Ведь на фронт-то я прибыл с пополнением всего два дня назад и уже гвардеец. Даже не верится, что недавно был школьником. Мне восемнадцать лет исполнилось в январе сорок пятого, а через месяц призвали в армию. Как раз к штурму Берлина поспел... Но на этом удачи кончились: в штурме я не участвую. И все потому, что знаю немецкий язык: мама преподает его в институте.

Когда наше пополнение прибыло в полк, всех сразу определили в автоматчики, быстренько погрузили на машины — и в Берлин, в бой. А меня с машины сняли и засадили за перевод приказа немецкого командования, найденного у пленного. Пока переводил, машины уехали.

— Старшина хозроты тебя на попутной отправит,— утешил меня майор, начальник штаба полка,— не бойся, к штурму рейхстага поспеешь.

— Товарищ майор, нешто мы без таких пацанов фрица добить не можем? — глядя на меня, спросил старшина.

— Этот вопрос, Спиридоныч, не нашей компетенции,— дипломатично ответил майор.

Пожилой Спиридоныч с золотой полоской на гимнастерке — знак тяжелого ранения — и двумя орденами Славы расспросил меня о семье. Ответил, что отец умер, когда я был маленьким, что братьев и сестер нет. Мать одна растила меня.

Подошла попутная машина, и я уже собрался было в путь-дорогу. А старшина просит у майора разрешения зачислить меня в хозроту.

— Ну что ж, давай,— сказал майор.— Только ты его у себя день-два продержишь, а потом все равно заберем.

Вот я и ухаживаю за коровами. Старшина приказал, чтобы к завтрашнему дню, точнее, к шести ноль-ноль, я уже научился доить. Солдат, говорит, должен любое дело в два счета освоить. Поэтому, напоив коров, я тут же начинаю осваивать дойку.

Рано утром меня вызвал старшина. Явился. Рядом с ним — сержант-самоходчик в синем комбинезоне, танкистском шлеме, с автоматом на груди. Старшина приказывает все наличное молоко слить в две большие фляги и доставить в распоряжение первой самоходной роты.

— Сержант из этой же роты. Он дорогу знает и будет за старшего.

— А зачем самоходчикам молоко в бою?— спрашиваю я сержанта.

— Приказы не обсуждают, а выполняют,— усмехается он.

...До тех улиц, где наши тяжелые самоходки в составе штурмовых групп ведут бой, мы не можем добраться даже на бронетранспортере: мостовые разворочены, завалены обломками зданий. Вылезаем из машины.

— Следуй за мной и все делай, как я! — командует сержант.— Да не отставай! Пойду быстро!

Кварталы, по которым мы идем, уже заняты нашими войсками. Но в некоторых домах, на чердаках, в подвалах еще сидят немцы. Вдоль улицы свистят пули, иногда рвутся фаустпатроны.

Когда пересекаем перекресток и оказываемся на открытом месте, сержант вдруг швыряет меня на землю и падает сам. Почти в то же мгновение вокруг рвутся мины. За шиворот сыплется земля, в горле першит от одного запаха взрывчатки. По каске что-то ударяет так сильно, что в голове звенит.

Обстрел кончается, и сержант трясет меня за плечо. Уши у меня словно забиты ватой, и я скорее догадываюсь, чем слышу команду «За мной!». Вскакиваю и бегу в укрытие. Оба мы целы, фляги с молоком тоже, но в голове стоит звон, и весь я трясусь мелкой, противной дрожью. Трясусь и с ужасом думаю: «Что скажет сержант?» Объясняю ему, что дрожь чисто нервная, я не трус.

— Конечно, не трус,— соглашается сержант. Достает алюминиевую фляжку и подает мне.— Глотни разок — от нервов и контузии первое средство.

Крепкая водка с непривычки обжигает горло. Я кашляю, слезы застилают глаза. Зато дрожь унимается. Сержант приводит меня к большому, наполовину разбитому дому. По крутой лесенке спускаемся в подвал. Здесь около взвода автоматчиков и младший лейтенант. Сизый дым махорки плавает в воздухе. Из низких, на уровне земли, окон видна широкая улица. Посредине ее стоит наша подбитая пушка.

— Возле окон будьте осторожны,— предупреждает лейтенант.— С перекрестка бьет немецкий снайпер. Вон тот квартал у немцев. Через улицу идти нельзя. Подтянем артиллерию, будем штурмовать, тогда и идите.

— Нам ждать нельзя и минуты,— отвечает сержант, снимает комбинезон, набивает его валявшимся в подвале тряпьем, и получается подобие человеческой фигуры.

Один из автоматчиков должен выставить чучело в правое крайнее окно, а мы — изготовиться к броску у крайнего левого. Как снайпер выстрелит по чучелу, побежим до пушки и спрячемся за нее.

— Беги, солдат, быстро, как от смерти,— учит меня сержант.— За пушкой полежим минутки три, и снова бросок. Но не в том направлении, как бежали, а в другую сторону. Это подальше, зато снайпера запутаем.

Выстрела снайпера я не различаю. Выскакиваю из подвала вслед за сержантом. За пушку падаю одновременно с ним. Первые секунды ничего не слышу, кроме ударов собственного сердца. О ствол пушки ударяет пуля и с тонким визгом дает рикошет.

— Пошли! — кричит сержант.

Мчимся во весь дух к зияющему в стене дома пролому. Последний прыжок, и... словно тяжелая палка стукает меня по левой руке. Боль тупая. Думаю, что ушибся. Но по рукаву гимнастерки расползается кровавое пятно. Сержант осмотрел рану.

— Ну-ка погни руку в локте, пошевели пальцами.— И уверенно ставит диагноз: кости целы, ранение легкое. Достает индивидуальный пакет и ловко накладывает повязку.

Снова идем дворами, похожими на каменные колодцы, до следующей улицы.

— Теперь, считай, пришли,— облегченно вздыхает сержант.— Налево, за углом, огневая позиция самоходки нашего командира роты.

Но до самоходки мы не добрались. В стену ударяет фаустпатрон. Взрывной волной меня опрокидывает на мостовую. Вскакиваю и бросаюсь к сержанту. Он лежит поперек тротуара на боку, словно в прыжке подогнув ноги. Осколок пробил ему грудь, но сержант еще в сознании.

— Все молоко доставь по назначению,— едва слышно говорит он.— Это боевой приказ. Там детишки совсем малые с голоду гибнут. Я на это в Ленинграде насмотрелся. Доченька в блокаду умерла...

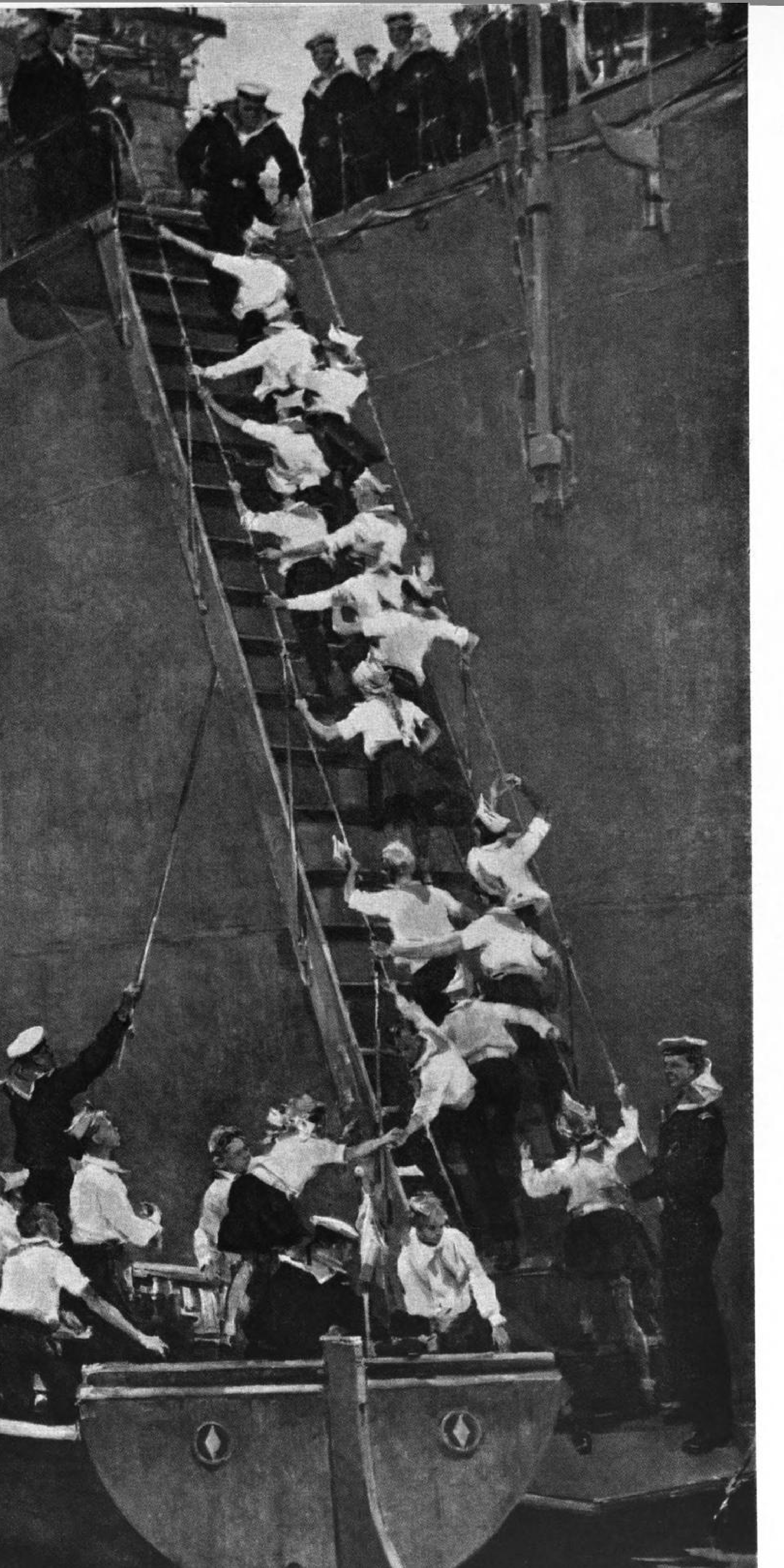
Сержант умолкает. При каждом вздохе на его губах пузырится кровь и стекает по серой от пыли щеке, оставляя на ней алую дорожку. Потом, как бы собрав все силы, он выпрямляет ноги и затихает.

...Боевой приказ Петра Климова (так звали отважного самоходчика) я выполнил. Оказалось, что по соседству с первой ротой в подвале разместилось отделение Берлинской детской больницы. Уже несколько дней, отрезанные боями от внешнего мира, больные дети, среди которых были и грудные, не получали питания и умирали от истощения.

А мне так и не пришлось добивать фашистского зверя в его логове. Из первой роты меня отправили в госпиталь. Там и встречал праздник Победы. Тем не менее получил правительственные награды — медали «За отвагу» и «За взятие Берлина».



М. Савченкова. СЕМЬЯ.



В. Лыков. ДОРОГИЕ ГОСТИ.

«Огонек». 1966.

Генрих ГУРКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

ТАЛИСМАН СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ



отографировать запрещено, мсье! — взяв под козырек, сообщил мне долговязый жандарм с длинным, унылым лицом, чем-то похожий на Фернанделя.

Вопросов нет. Мы находились на летно-испытательной станции военно-морской авиации Франции в Сан-Рафаэле. Советский вертолет «МИ-6» только что приземлился здесь, пройдя перед этим вдоль Лазурного берега и заставив сотни людей задрать вверх головы. А сейчас вокруг огромной машины, рядом с которой забавными стрекозами выглядели французские вертолеты «алюэт», толпились механики и летчики Сан-Рафаэля.

Я отошел в сторону. Такая картина была мне уже хорошо знакома по аэродромам Амстердама, Парижа, Марселя — всюду наш вертолет-гигант, совершающий перелет по странам Западной Европы, вызывал удивление и восторг.

Мимо трех крепких парней в высотных скафандрах, которые, видимо, вернувшись с задания, спешили к «шестерке», я прошел к аэродромной башне. Оттуда в просвете между ангарами, сквозь винты и хвосты военных самолетов видно было море. Необыкновенного, изумрудного цвета.

Сан-Рафаэль... Что-то знакомое чудилось мне в этом названии. Но что? Рядом — Сан-Максим, чуть дальше — Сан-Тропец. Ну, хорошо, в Сан-Тропеце живет Бриджит Бардо, и вооруженные телеобъективами фоторепортеры французских бульварных журналов несут там круглосуточную вахту, чтобы подловить актрису в момент, когда она менее всего склонна к съемке,— об этом я читал и снимки соответствующие видел. Но Сан-Рафаэль, Сан-Рафаэль...

И так, должно быть, я и не вспомнил бы, отчего мучительно знакомо мне название этого маленького курортного городка. Помог, как всегда, случай.

Вечером мэры Сан-Рафаэля и соседнего Фрежюса устроили в гостинице «Голубой оазис» прием в честь участников перелета на «МИ-6». Были произнесены речи, и в одной из них я услышал:

— Антуан де Сент-Экзюпери...

Я бросился к переводчику.

— Мэр вспоминал о том,— сказал он,— что Сент-Экзюпери много раз летал с аэродрома Сан-Рафаэль. И однажды даже едва не погиб здесь, в бухте Сан-Рафаэль.

И я вспомнил. Вспомнил, что в книжке Марселя Мижо «Сент-Экзюпери», изданной у нас, в Советском Союзе, в серии «Жизнь замечательных людей», я читал о Сан-Рафаэле. Чтó именно, я восстановил в памяти позднее, когда опять взял в руки эту книжку.

«В ноябре (1932 года) при испытании гидроплана Сент-Экзюпери чуть не гибнет в бухте Сан-Рафаэля. Это единственный случай в его карьере летчика, когда авария произошла по его вине, все остальные россказни — легенда. Но в этом случае неправильная посадка на воду привела к тому, что самолет зарылся и начал тонуть. Своим спасением Сент-Экс поистине обязан чуду. Это чудо — «купание в Сан-Рафаэле» — он описал в «Планете людей».

Те, кто читал эту великолепную книгу Сент-Экзюпери, возможно, не забыли: «Вытерпеть можно все. Завтра и послезавтра я в этом уверюсь: вытерпеть можно все на свете. В предсмертные муки я верю лишь наполовину. Не впервые прихожу к этой мысли. Однажды я застрял в кабине тонувшего самолета и думал, что погиб, но не очень страдал при этом. Сколько раз я попадал в такие переделки, что уже не думал выйти живым, но не впадал в отчаяние...»

К сожалению, мэр Фрежюса, вспомнивший в своем выступлении одну из интереснейших фигур XX столетия — писателя, философа, пилота, ничего к сказанному добавить не смог. Но зато его заместитель — широкоплечий блондин, стриженный ежиком, сказал мне:

— Если вас интересует Сент-Экзюпери, то, возможно, вам захочется встретиться с его матерью. Она живет в Кабри, это неподалеку от Ниццы. Или с сестрой, госпожой Габриэль д'Аге. Если вам угодно, я позвонил бы ей...

Угодно ли мне?!

Через две минуты заместитель мэра вернулся из телефонной кабины.

— Все о'кей! — коротко сказал он.— Мадам д'Аге ждет вас завтра в 16.30 у себя. Ее адрес: Аге, замок д'Аге.

Аге... Мы пролетали над ним по пути из Ниццы в Сан-Рафаэль. Антуан де Сент-Экзюпери часто бывал там, он много раз упоминает Аге в письмах к матери и сестре — той самой Габриэль, или, как он ее называл, Диди, с которой я увижусь завтра. «Хотелось бы провести с вами рождество в Аге. Аге для меня — олицетворение счастья» — это из письма, посланного матери в 1927 году из Кап-Джуби, старого форта к югу от Касабланки, стиснутого между океаном и пустыней. Там Сент-Экс жил, летал, там работал над романом «Южный почтовый». «Написал уже страниц сто и очень запутался с композицией. Мне хочется всунуть в книгу слишком много вещей и с разных точек зрения. Я все спрашиваю себя, что бы вы сказали о моей рукописи... С грустью мечтаю о Сан-Морисе и об Аге...» — это из другого письма к матери.

Дорога в Аге идет вдоль средиземноморского берега. Справа карабкаются по горным склонам домики и деревья, слева, за широкой голубой полосой моря, прорисовывается силуэт знаменитого острова Сан-Маргерит с его мрачным замком-тюрьмой, где долгие годы томился таинственный узник, известный под именем «Железная маска».

— Завидую тебе,— сказал мне пилот «МИ-6», замечательный советский летчик-испытатель Герой Советского Союза Юрий Гарнаев.— Сент-Экзюпери — это моя настольная книга. Необыкновенный писатель!..

Гарнаев не мог поехать: в тот день состоялись демонстрационные полеты по просьбе французской компании «Электрисите де Франс».

— Расскажешь мне все подробно, ладно?

Несколько живописных курортных местечек, несколько десятков поворотов — и я увидел табличку со словом «Аге». Узенькая дорожка вела в сторону моря. Там на самом берегу стоял большой кирпичный дом. Это и был замок д'Аге. Точнее, то, что построено уже после войны на его месте,— сам старый замок был разрушен в конце войны во время одной из бомбардировок.

Первый человек, которого я увидел, был десятилетний... Антуан де Сент-Экзюпери. Да, сходство казалось удивительным: тот же живой взгляд карих, чуть удивленных глаз, те же черты лица, что на детских фотографиях писателя. Это был внук г-жи д'Аге.

— Бабушка ждет вас, мсье «Огонек»,— сказал он, бойко выговорив незнакомое русское слово.

Мы прошли в большую комнату, уставленную цветами и старинным фарфором. Книжная полка во всю стену. Большой черный пес на полу.

Больше я разглядеть ничего не успел, потому что вошла хозяйка. Невысокого роста, очень подвижная, с приветливым и добрым лицом.

Я рассказал г-же д'Аге, какой огромной популярностью пользуются в Советском Союзе книги Антуана де Сент-Экзюпери, как близки советским людям его идеи человечности, справедливости, чести.

Она слушала, изредка кивая головой.

На книжной полке стояло несколько фотографий Антуана де Сент-Экзюпери.

— Этот снимок сделан здесь, в Аге, в день свадьбы Антуана,— сказала г-жа д'Аге.— А этот — раньше, когда он летал в Сан-Рафаэле. Это его книжки на разных языках. Это памятные медали в его честь. А у этого значка особая история.

Г-жа д'Аге протянула мне большой, потемневший от времени значок.

— Антуан, как, вероятно, все летчики, был немного суеверен — наполовину в шутку, наполовину всерьез. Этот значок он считал своим талисманом. Он всегда брал его в полеты. Но в последний раз я с удивлением обнаружила после его отъезда этот значок — должно быть, он забыл его. Больше я не видела Антуана...

Вот что пишет Марсель Мижо о последнем приезде Сент-Экса:

«5 августа (1940 года) Антуан высаживается в Марселе и мчится в Аге. Он сжимает в объятиях свою старушку мать, сестру Габриэль, шурина Пьера и их детей. Снова он в родном Провансе и «чувствовал, как оживает в единственном уголке света, где сама пыль ароматна (я несправедлив, в Греции она такая же, как и в Провансе)»,— писал он три года спустя в своем «Письме одному генералу». Снова он находился в краю оливковых деревьев, в краю овец, снова приобщился к семейной жизни, снова погрузился в мир своего детства. Он любил дом в стиле Людовика XIV, принадлежавший семье Аге. Дом этот стоял в глубине маленькой бухточки, и защищавшие его от норд-оста скалы цвета охры пламенели в лучах заката, словно горящие камни. Своими устоями, прочными, как крепостная стена, дом купался в море. Сколькими счастливыми воспоминаниями полнился он! Вечерами, когда все в доме уже ложились, Антуан оставался один на один со своими думами. Поутру Диди (Габриэль) находила переполненные окурками пепельницы, остаток черного, как кофе, чая на дне чайника и исписанные листы бумаги.

— Над чем ты работаешь?— как-то спросила она.

— Я пишу посмертную книгу,— отвечал он.

Антуан работал над «Цитаделью».

— Вы знаете,— сказала г-жа д'Аге,— мне кажется, что значок, который вы держите в руках, русский. Не могу этого утверждать твердо, но, по-моему, Антуан привез его из России. Возможно, это подарок одного из пилотов «Максима Горького» — Антуан летал на этом самолете-великане.

Листья лавра, крылья, вверху пятиконечная звездочка. Ну что ж, может быть, и не ошибается Габриэль д'Аге...

— Вы, конечно, знаете, что точных данных об обстоятельствах гибели Антуана не было. В рапорте командования написано, что майор Сент-Экзюпери, вылетевший с Корсики на аэрофотосъемку в район Лиона, с задания не вернулся и считается утерянным. Не так давно я получила письмо от одного немца, он был артиллерийским офицером, а сейчас пастор в Западной Германии. Он писал, что нашел в своих военных архивах донесение зенитчиков, сбивших 31 июля 1944 года возле побережья самолет с французскими опознавательными знаками. Это был самолет Антуана. Других французских машин в этот день в воздухе не было...

Когда прощались, г-жа д'Аге подарила мне книжку новелл, написанную старшей сестрой Антуана Мари-Мадлен. А в Ницце меня ждал другой подарок: президент Ассоциации «Франция — СССР» департамента Приморские Альпы Жан Анконтр передал мне письмо графини де Сент-Экзюпери, матери Антуана. Это письмо было ответом на предложение Ассоциации «Франция — СССР» войти в состав почетного комитета по празднованию юбилея эскадрильи «Нормандия — Неман». «Я с большим удовлетворением принимаю предложение участвовать в вашем комитете и благодарна за честь, оказанную моему сыну Антуану и мне»,— говорится в письме.

Мне не удалось встретиться с этой женщиной, которой столько слов нежности и благодарности посвятил Антуан де Сент-Экзюпери. Графине уже больше девяноста лет, и состояние здоровья не всегда позволяет ей принимать гостей.

...Мы улетали из Сан-Рафаэля солнечным днем. Искрилось, сверкало море. Вертолет шел над берегом, над которым зенитный снаряд оборвал полет Сент-Экзюпери.

«Ни о чем не жалею. Я играл — и проиграл. Такое у меня ремесло. А все же я дышал вольным ветром, ветром безбрежных просторов.

Кто хоть раз глотнул его, тому не забыть его вкус. Не так ли, товарищи мои? И суть не в том, чтобы жить среди опасностей. Это всего лишь громкая фраза. Тореадоры мне не по душе. Я люблю не опасности. Я знаю, чтó я люблю. Люблю жизнь».

Сан-Рафаэль — Аге.



Лучшим спортсменом прошлого сезона, спортсменом № 1 признан молодой велогонщик Омари Пхакадзе. Мало кому известный спортсмен неожиданно для многих возглавил список десяти самых популярных чемпионов и рекордсменов, таких, как боксер В. Попенченко, легкоатлетка И. Пресс, фигуристы Л. Белоусова и О. Протопопов и другие. Кто же такой Пхакадзе? Чем он прославился? Какая победа принесла ему столь большое признание любителей спорта? По просьбе многочисленных читателей мы отвечаем на эти вопросы.

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта

СПОРТСМЕН №1

Первенство мира по велоспорту 1965 года проводилось в одном из красивейших испанских курортов — Сан-Себастьян. Место славится своим ровным климатом, и никто из судей, тренеров, участников и даже организаторов не предполагал, что погода преподнесет им такой печальный сюрприз.

Могло показаться, что главным в программе мирового чемпионата был дождь и выступления велосипедистов проводились только для заполнения пауз между ливнями. Участники нервничали, а в таких условиях, как никогда, нужна железная выдержка и целеустремленность.

Неожиданно не только для иностранных наблюдателей, но и для наших тренеров таким хладнокровием блеснул Омари Пхакадзе, молодой спортсмен, на которого уже перестали рассчитывать: одареннейший спринтер, он выступал очень неровно.

Но на сей раз получилось так, что его товарищи — опытный боец Бодниекс и молодой Логунов — вышли из борьбы уже после первых заездов, а этот могучий парень, почти баскетбольного роста, плечи — косая сажень, сумел расправиться с сильнейшими из претендентов на мировую корону. В четвертьфинальном заезде он обошел «второе колесо» Италии — Верзини, в полуфинале — второго призера первенства мира 1964 года француза Морелона. Теперь ему предстояло соревноваться в финале с чемпионом Италии Турини, который вывел из борьбы чемпиона мира француза Трантена. Финал должен был состояться вечером, но снова — уже в который раз — хлынул ливень, и соревнования перенесли на утро.

Журналисты и тренеры утверждали, что эта отсрочка на руку итальянцу, упавшему в одном из заездов и сильно ободравшемуся: мол, он отдохнет и спокойно выиграет золото. Да и сам Омари Пхакадзе был настроен на то, чтобы полуфинал и финал проводились в один день, как это и было предусмотрено программой. После победы в полуфинале Омари еще пылал победным жаром и был очень раздосадован очередным мокрым «тайм-аутом», но раз уж так получилось, то, внявши советам тренера команды Ростислава Варгашкина, Омари рано улегся спать.

Комната Пхакадзе была первой по коридору маленькой гостиницы, где жили советские трековики, и весь вечер мимо этой комнаты проходили только на цыпочках: была общая договоренность создать Омари идеальные условия для отдыха, хотя каждому было известно, что спать он может даже при орудийной канонаде. Но он не спал. Никогда еще молодой спортсмен не был так близок к большой победе. Собираясь в Испанию, Омари мечтал лишь об одном — попасть в восьмерку, а тут... Было из-за чего потерять сон! Непривычной бессоннице помог еще и праздник в честь какого-то сан-себастьянского святого. Гулянье началось после одиннадцати часов вечера, и на улице дым не успевал рассеиваться от петард и шутих.

Время от времени Варгашкин подходил к двери молодого гонщика, прислушивался и, удовлетворенный, отходил прочь: в комнате царила тишина. Спит! Ему ведь вставать в шесть утра, старт в половине десятого.

В этом маленьком отеле было всего пять человек обслуживающего персонала, и рассчитывать на портье не приходилось. Поэтому Варгашкин одолжил у хозяина будильник-землячок — изделие Ереванского часового завода, каким-то чудом занесенное в Испанию, и, вернувшись с прогулки по праздничному городу, спокойно лег, уверенный, что один из главных героев завтрашнего финального спектакля спит крепким сном. Но Омари не спал. Он не спал почти до пяти часов. Лежал тихо, слышал все шорохи в коридоре, шепот проходивших мимо товарищей; когда же все затихло, остался только шум улицы.

...Разные люди говорили о неукротимости его характера, о полном отсутствии самодисциплины, о том, что с такими данными на велосипеде далеко не уедешь, и Омари не раз убеждался в верности этих суждений. И вот серьезный урок: в 1962 году, впервые выступая на треке, Омари чуть ли не с места обыграл всех соперников, а на последних метрах решил побаловаться и подпустил их почти вплотную, что не помешало ему выиграть. Но когда на Спартакиаде народов СССР Омари решил повторить этот же трюк, то проиграл: на последней прямой упустил победу в первом заезде.

— Зачем ты расслабился? — спрашивали Омари тренеры, товарищи.— Для чего оглядывался, когда до финиша оставалось всего пятьдесят метров?

В ответ Омари посмеивался и все твердил:

— Ничего, сейчас я им покажу!

Озорной парень со школьных лет привык быть сильнее товарищей, и не так-то просто было выбить из него бесшабашную удаль. На Олимпийских играх в Токио дорого стоила нашей команде удаль Омари Пхакадзе: он не принес ни одного очка. Для молодого гонщика это было большим уроком, и он тщательно готовился к мировому чемпионату. Омари, конечно, уважал итальянских и французских мастеров, но, что и у них сможет выиграть, был убежден. Для этого только нужно не терять ни головы, ни рывка. Вот и все!

Предварительные заезды, в которых участвовало по три человека, Пхакадзе провел в своем ошеломляющем стиле и не проиграл никому, а затем началась борьба в восьмерке сильнейших, где Омари предстояла встреча с Верзини — молодым, сильным и очень опытным мастером спринта.

В спринтерской гонке время не имеет значения. Главное — место, которое ты займешь в заезде. А заезды — это ступени, ведущие к пьедесталу почета. Сначала предварительный, за право попасть в восьмерку, из восьмерки — в четверку полуфиналистов, а уж если тебе удалось обыграть противника в полуфинале, самое малое, на что ты можешь рассчитывать,— серебряная медаль, самое большое — золотая. Представьте же себе овальное бетонное кольцо вроде беговой дорожки футбольного стадиона, но с крутыми, как стены, виражами. На середине прямой дается старт двум велосипедистам. Взмах флажка — и можно мчаться. Но спортсмены не торопятся. Едва тронувшись с места, они останавливаются. Да, да, останавливаются и стоят, балансируя, как канатоходцы. И их не торопят. Каждому хочется выпустить вперед соперника, чтобы на его плечах, а вернее, в воздушном потоке, создаваемом его движением, развить максимальную скорость с меньшей затратой сил.

Этот бег на месте, или, как называют его велосипедисты, сюр пляс, очень распространен. В прошлом был случай, когда два соперника, простояв в общей сложности два часа, так и не стронулись с места, и матч не был разыгран: гонщики дважды меняли протертые шины передних колес, а судьям надоело ждать, и они ушли. Теперь время сюр пляса ограничено несколькими минутами.

Вот наконец гонщики, крадучись, словно боясь наехать на иглы, двинулись вдоль трека. Но первый почти не смотрит вперед, все его внимание приковано к сопернику, а тот упорно держится метров на восемь—десять сзади и, чтобы получше спрятаться от глаз лидера, появляется то слева, то справа. Ведь эта позиция дает преимущество внезапности. Отвернулся от тебя противник, посмотрел вперед, и мгновения достаточно, чтобы рвануться, выиграть доли секунды, набрать скорость и вихрем промчаться мимо. А если у лидера не хватит выдержки ждать и он разовьет большую скорость, тогда преследователь, используя безвоздушный шлейф, получит все шансы



Омари Пхакадзе (справа) ведет борьбу в полуфинале с французским гонщиком Даниэлем Морелоном.

обойти его, сохранив силы для финиша.

Раньше, когда скорости на финише не превышали 60 километров в час, можно было обойти впереди идущего и с колеса, непосредственно из-за его спины. Теперь это невозможно. Без разгона в шлейфе нельзя развить семидесятикилометровую скорость, как невозможно без разбега прыгнуть выше двух метров. Финишных вариантов бесконечное множество, и я рассказал лишь о самой их сути, чтобы читателям было легче понять, почему победил Пхакадзе.

Омари вспомнил в эту предфинальную ночь встречу с итальянцем Верзини. Когда стало известно, что соперником Верзини будет «грузинский медведь», как называли Омари некоторые газеты, итальянца уже зачислили в полуфиналисты. Но дважды стартовали грузин и итальянец, и дважды впереди оказывался Пхакадзе.

Победа над Верзини заставила всех знатоков пересмотреть свои взгляды на молодого советского гонщика. Теперь они стали считать его третьим в четверке, а судьи поставили его в заезд со вторым колесом мира — французом Морелоном.

Это было самым страшным для Омари. Даже теперь, в ночной тишине, вспоминая этот поединок, Омари испытывал озноб. Морелон не раз обыгрывал профессионалов, он второй гонщик мира и был третьим на олимпиаде в Токио, где Омари не попал даже в восьмерку. Хитрый и сильный боец! Но все это Омари знал только по рассказам других. Как соперника он видел француза впервые и рискнул первым заездом, решил прощупать, каков он, на что способен. С Верзини в середине финишного рывка Омари расслабился и хотя с трудом, но выиграл. А с этим как? Надо проверить его спурт.

После обычной стартовой торговли Пхакадзе за 200 метров сделал резкий рывок, оторвался от Морелона, но не стал перенапрягаться, и тот, использовав шлейф, обошел советского мастера.

— Рано начал, Омари. С этими так нельзя,— сказал Ростислав Варгашкин.— Учти!

— Хорошо, учту. У него рывок слабее моего. Теперь я ему покажу!— ответил Омари.

Товарищи сразу повели его в раздевалку, стали массировать, каждый по-своему описывал только что закончившийся заезд. И вот снова пора на старт. На этот раз Омари тонко осуществил свой план. Он сразу вышел вперед, повел француза за собой, как на веревочке, а менее чем за 200 метров встал на педали, помогая силе мышц еще и весом тела, рванулся вперед да так и не садился в седло до самого финиша. Морелон не ожидал такой прыти от новичка, не рискнул обходить и пришел вторым. Все решал третий заезд, и на предпоследней прямой, зная свое преимущество в рывке, Омари метнулся мимо Морелона с такой неистовой силой, что тот даже не успел зацепиться. Под гул трибун Омари вихрем пересек финишную линию. А чемпион Италии Турини тем временем расправился с чемпионом мира Трантеном и после этого уже не сомневался в своей безусловной победе в финале, ведь даже тренер французской команды, знаменитый Коста, сказал после полуфинальных схваток: «Для Турини был бы опаснее Морелон, чем этот кавказец...»

Давние и вчерашние события мелькали в памяти Омари, и они то и дело прерывались раздумьями о предстоящем финале... Проснулся Омари сам, и будильник не потребовался. Пора было на трек. Теперь никаких воспоминаний. Надо действовать!.. Первый заезд выиграл Турини. Он превосходно использовал зевок Омари и, сделав хороший разгон с вершины виража, был на финише первым. Сразу же после команды стартера во втором заезде Пхакадзе вышел вперед и в хорошем темпе повел гонку, не давая Турини подойти к себе ближе чем на 10—12 метров. Счет стал 1:1. Теперь предстояла последняя схватка. Окруженный товарищами, Омари пошел в раздевалку. После каждого заезда, чтобы дать гонщикам отдохнуть, программу дополняли какими-нибудь вставными номерами, но на этот раз судьи решили третий заезд пустить почти сразу. Не успел Пхакадзе прилечь, как диктор стал вызывать участников.

Последний заезд чемпионата начался, как тренировочная разминка. Пхакадзе на ходу поправлял рубашку, потом затянул посильнее ремни на педалях и, казалось, вовсе не собирался идти в атаку. Но стоило Турини за круг до финиша направить машину с середины виража на бровку, как Пхакадзе ринулся вперед и обошел ошеломленного итальянца.

— Трибуны ревели,— рассказывал потом Омари,— подбадривая меня, а мне казалось, что это зрители предупреждают о приближении итальянца. Очень злой я был. Все твердил: «Я ему сейчас покажу... Я ему сейчас покажу!»

И Омари показал...

ТАК ЧТО ЖЕ, КОНЕЦ?

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

У каждого гроссмейстера своя тактика. Т. Петросян считает, что шахматисту после поражения надо играть следующую партию осторожно, чтобы хоть чуточку прийти в себя. Больше того, чемпион мира утверждает, что и победитель может позволить себе передышку. Что же удивительного в том, что восьмая партия довольно быстро закончилась вничью? Ну, а девятая не в счет, ведь у гроссмейстеров, так же как у всех, было предпраздничное настроение. Больше того, многим казалось, что намерения Петросяна и Спасского в день их десятого свидания в Театре эстрады тоже нетрудно угадать: не захотят чемпион мира и претендент портить друг другу настроение в такой большой праздник.

Возможно, что Петросян не возражал бы и на сей раз против ничьей: ведь в таком случае он успел бы на второй тайм в Лужники, где сражался с «Динамо» его любимый «Спартак», — но Спасский не собирался отпускать Петросяна. Уже после первых нескольких ходов претендент снял пиджак, а завсегдатаи Театра эстрады знают, что, когда Спасский снимает пиджак, он намерен трудиться, воевать. Ни разу Спасскому не удалось выжать из Петросяна одно коротенькое словечко: «Сдаюсь!» Что же удивительного в том, что Борис нервничает?

Итак, в двадцать первый раз за 13 лет Петросян и Спасский сели друг против друга за шахматный столик. И Спасский решил предпринять очередную попытку заставить Петросяна «заговорить». Десятая партия в некоторой степени напоминала тактику седьмой встречи. Петросян, разумеется, понимал, что Спасский настроен агрессивно, предпринял решительные контрмеры, и стоило Спасскому сделать один рискованный ход, как последовал встречный удар, еще удар, двойная жертва качества — и на 30-м ходу все было кончено. Чемпион мира одержал вторую победу в блестящем стиле. Во время матча с Талем понедельник мог считаться днем Спасского, а теперь претендент уже два раза проигрывает в понедельник Петросяну.

6:4 в пользу Петросяна! 6:4 — это победный счет для тенниста, это отличный счет и в шахматах.

6:4! С этим счетом связаны у Бориса приятные воспоминания: именно таков был итог его матча с гроссмейстером П. Кересом, 6:4 — таков был счет после десяти партий в матче Б. Спасского с М. Талем.

6:4! Так мощно М. Ботвинник не начинал ни одного из своих матчей с Д. Бронштейном, В. Смысловым, М. Талем, Т. Петросяном.

4 : 6 — так неудачно не стартовал (если 10 партий можно еще считать стартом) ни один из претендентов — Д. Бронштейн, В. Смыслов, М. Таль, Т. Петросян.

Так что же, конец? Нет, конечно, до конца еще длинная дистанция в 14 партий. Но на сегодняшний день Спасский имеет дело с еще более уверенным Петросяном. А у претендента уверенность может появиться только в том случае, если ему удастся хоть разочек победить чемпиона мира. Пока же в игре Спасского явно чувствуется депрессия, вызванная спортивной и творческой неудачей в пятой партии. Пока что Спасский не видит, как выбить из седла чемпиона мира, как взять «крепость Петросян».

При счете 4:6 Б. Спасскому уже надо иметь не железные, а супернервы. Еще бы: у Петросяна уже накоплено шесть очков! В его активе пятьдесят процентов победы!

●

РТ

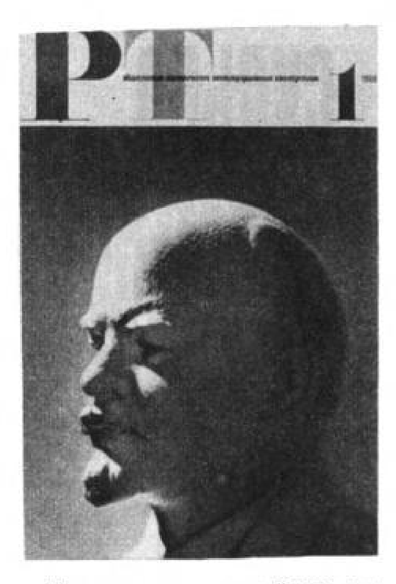
На прилавках киосков «Союзпечати» появилась новинка — общественно-политический, иллюстрированный еженедельник с интригующим названием РТ.

Радио и телевидение — так расшифровывается название нового журнала, выпускаемого Комитетом по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР.

Многочисленные владельцы приемников и телевизоров получили хороший подарок. Они найдут для себя здесь много интересного. В журнале будут освещаться проблемы теле-радиовещания, на его страницах будут выступать видные ученые, крупнейшие деятели искусства и литературы, мастера спорта. Журнал систематически будет знакомить читателя с шедеврами мирового и советского искусства.

Поскольку РТ — еженедельник, в нем будут печататься сообщения о важнейших событиях, происшедших в мире за неделю.

Значительная часть материалов, помещенных в журнале, комментирует предстоящие передачи в эфире, помогая правильному их восприятию радиослушателями и телезрителями.



Помимо всего, новый журнал имеет еще одно достоинство: в нем будут печататься подробные программы радио- и телепередач на будущую неделю.

Пабло НЕРУДА
(Чили)

МОЯ СТИХОГРАММА В САНТО-ДОМИНГО



Рисунок доминиканского художника Сильвано Лоры. (АПН)

Простите, если я скажу нелепость,
товарищи, вам в этот день прелестный
и если сердце у меня невольно
потянется в Санто-Доминго песней.

Давайте вспомним, что произошло
с тех пор, как мореплаватель известный
сошел на остров и открыл его.
Ах, лучше бы не открывал тех мест он!
Ведь столько бед обрушилось на остров,
что кажется, что не Христос, а дьявол
тогда с Колумбом сговорился в этом.

Захватчики, Испанию покинув
и налегке прибыв на эти земли,
искали золото, да так искали,
как будто пищей был металл презренный.

Неся, как флаг, Христа с его крестом,
так убеждали палкою да плетью,
что превращали в мертвых христиан
не веривших в Христа живых индейцев.

Хоть и века с тех горьких дней минули,
я говорю о горечи столетий,
поскольку ни молчанье, ни забвенье
ведь ни на что не смогут нам ответить.

И столько беззаконий накопилось
в Америке мятежной как наследство,
что, если голос не поднять поэтам,
другим из страха не пойти на это.

Народы независимость-мечту
провозгласили в странах континента.
Латинская Америка, однако,
осыпалась под зноем постепенно,
по ягодам, как гроздь народов малых
с душою нараспашку и без денег.
(Мы ходим с гордостью, хоть без ботинок,
и сердцем каждый — рыцарь непременно.)

И, выросши из маленьких штанишек,
мы отбирали худших президентов
(соперничали очень в этом деле,
Санто-Доминго брал призы бессменно).

Ходили в президентах самодуры —
правитель-плут, правитель-шизофреник,
тиран-богач, тиран тупоголовый,
безумный деспот, деспот одряхлевший.

В таком многообразии прегрустном
Трухильо выделялся, как бессмертник,
да благо занемог от верной пули,
отвластвовав свое сорокалетье.

Когда ушел Трухильо в мир иной,
страна от мук вздохнула с облегченьем
и поднялась в ознобе ожиданий
луна над затянувшимся мученьем.

По всем дорогам пробежала весть:
Санто-Доминго расправляет плечи.

Вернувшийся из ссылки Хуан Бош
был избран наконец-то президентом.

Однако бизнесменам и «гориллам»
совсем не нужен в президентах честный.
Нью-Йорк постановил произвести
переворот и выгнать президента.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

„СУДЬБА КАМЕННОЙ ЛЕТОПИСИ"

Так называлась статья, опубликованная в «Огоньке» (№ 46, 1965 г.), в которой рассказывалось о прошлом и настоящем города Суздаля, выдающегося памятника русского зодчества, и ставился вопрос о более бережном отношении к этому бесценному национальному сокровищу. Статья вызвала много читательских откликов, причем не только из Российской Федерации, но и из других братских советских республик, а также из зарубежных стран.

«Действительно, мы еще плохо относимся к сохранению памятников русской старины, зачастую недооцениваем их и — что уже совсем неоправданно — мало пишем о них,— делится своими мыслями В. Ефимов из Тамбовской области.— Горько, что изумительные по своей красоте памятники гибнут от равнодушия людей, которые, видимо, мало любят свою Родину».

Так же как и многие другие авторы писем в «Огонек», В. Ефимов предлагает Всероссийскому добровольному обществу охраны памятников истории и культуры организовать сбор средств (например, в виде небольших членских взносов) на восстановление и реставрацию памятников старины.

Читатель «Огонька» В. Козлов (г. Самарканд) пишет: «Сердце переполняется гордостью за мой город, за наших славных реставраторов, сумевших вырвать замечательные памятники древней архитектуры из тлена и запустения, в которых они находились при царизме. Почему же с таким преступным равнодушием мы относимся к сокровищам русской архитектуры?» Из другого конца нашей необъятной страны, из Бурятской АССР, П. Зотов пишет о том, что памятники русской культуры «должны стоять неколебимо, как Россия, на благо всего советского народа».

Из Югославии пенсионер В. Иванов прислал письмо, в котором, в частности, говорится: «Статья-очерк «Судьба каменной летописи» меня глубоко тронула. Читал я с любовью, радостью, но и с большой грустью... Памятники старины — наша красота — должны быть сохранены как самое драгоценное благо седых времен для нашего потомства». Из Парижа пишет художница Светлана Смирнова: «Ваша статья «Судьба каменной летописи» глубоко взволновала меня, она близка моему сердцу. Искусство русского народа выражает творчество его гения. Древнерусское искусство — основа Руси. Вы в Москве, я за границей, но у нас с Вами одна мысль, одно желание — счастье Родины, России».

Товарищ Козачковский (Тернопольская обл., УССР), как и другие авторы писем, просит сообщить на страницах журнала о том, что же делается после выступления «Огонька» о Суздале.

Редакцией получен ответ из Владимирского областного комитета КПСС, в котором, в частности, говорится: «Статья В. Николаева «Судьба каменной летописи» совершенно правильно ставит вопрос о необходимости принятия мер для немедленной реставрации замечательных памятников архитектуры г. Суздаля, отразивших почти все этапы истории древнерусского искусства.

Хотя в последние годы и были проведены значительные реставрационные работы в г. Суздале, но предстоит еще очень большая работа. На реставрационные работы в течение последних лет выделялось небольшое количество средств...»

В этом же письме сообщается о том, что Владимирский обком КПСС обратился в Совет Министров РСФСР с конкретными просьбами и предложениями по сохранению и реставрации архитектурных памятников Владимира, Суздаля и Боголюбова.

Совет Министров РСФСР принял специальное постановление «О мерах по дальнейшему развитию туризма и улучшению содержания памятников истории и культуры во Владимирской области». Решено разработать планировку г. Суздаля, имея в виду сохранение и организацию широкого музейного показа памятников истории и культуры города. Уже в 1966 году Владимирскому облисполкому дополнительно выделяется 300 тысяч рублей на благоустройство гг. Владимира и Суздаля и 185 ты-

Был изгнан он с законами своими,
могильщик был посажен как замена
на трон главы всех мастеров заплечных —
и возвратились палачи на место.

«Итак, демократический порядок
в народе восстановлен повсеместно»,—
вещал «Меркурио» в передовой,
написанной в посольстве всем известном.

Да только дальше дело не пошло.
Негаданно-нежданно повсеместно
оно дельцам, «гориллам» вышло боком:
на улицах вдруг голосом винтовок
заговорило у народа сердце,
заговорило яростно и гневно.

Народ смел прочь навязанную власть,
взял с бою города, поля, деревни,
не испугался пушек у Пуэнто,
им бросил вызов, голой грудью встретив.

Он шел вперед, к свободе и победе,
могучий и порывистый, как ветер.
В безумстве генералы Пентагона,
чьи руки выпачканы кровью многих,
десанты высылали им навстречу.

Десятки тысяч — сукины сыны! —
с оружием в руках сошли на берег.
Им дали пулеметы и напалм,
задачу им поставили конкретно:
«Освободить мошенников-воров
и бросить в тюрьмы остальных немедля!»

Теперь они стреляют ежедневно
на острове по беззащитным жертвам.
Как во Вьетнаме, зверствуют убийцы.
Но у народов не отнять победу!

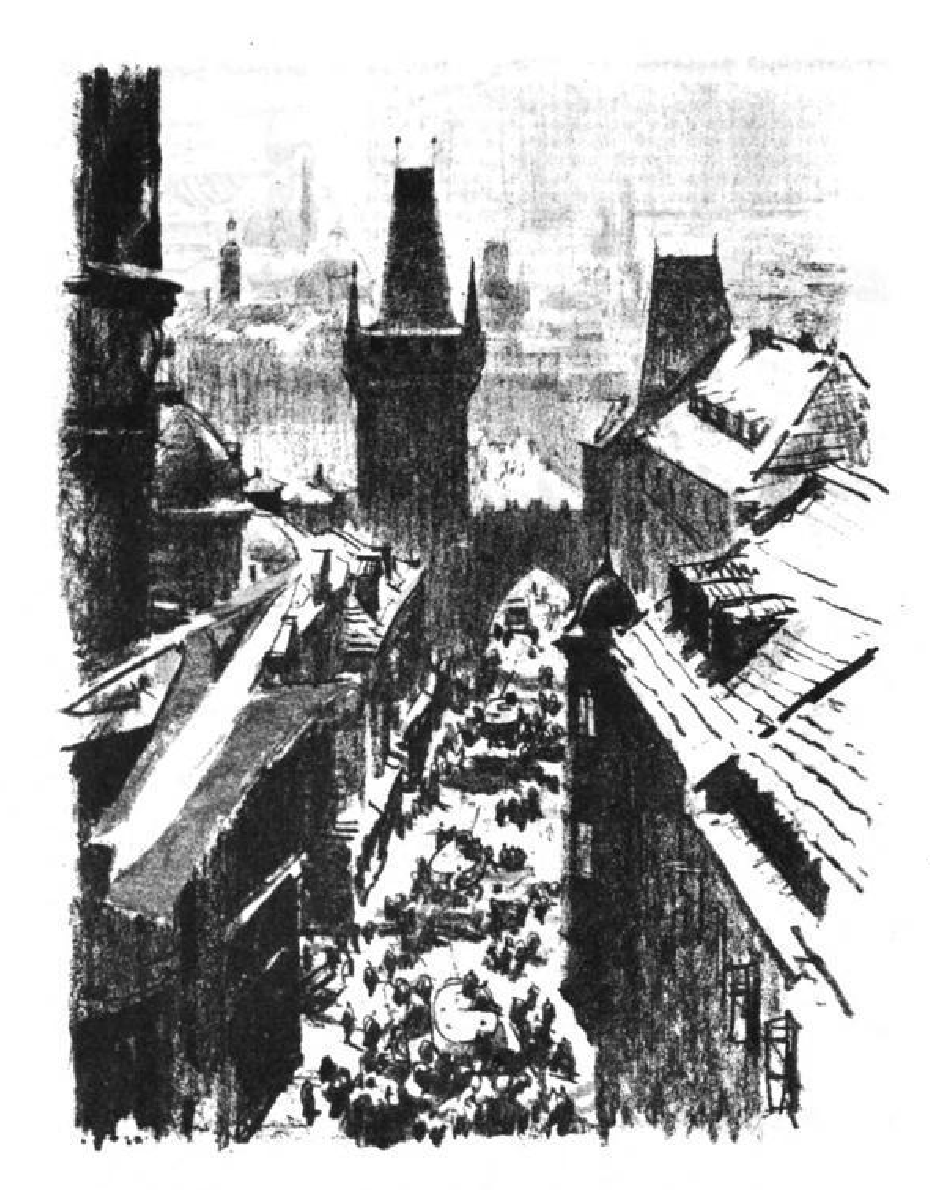
Суть этого печального посланья
я выражу одной концовкой целой
(смотрите, никому не передайте:
я все же миролюб душой и телом!).

Вот эта суть:

Мне янки нравится живым в Нью-Йорке,
милы и девушки, конечно, сердцу,
но во Вьетнаме и в Санто-Доминго
я предпочел бы их в объятьях смерти.

Перевел с испанского
Гр. Кикодзе.

С ПРАЗДНИКОМ, БРАТЬЯ!



9 мая 1945 года. Прага. Автолитография В. Богаткина.

Вот уже и двадцать один год прошел с того майского дня, когда советские танки прогрохотали по улицам Праги и наших ребят в комбинезонах, с лицами, черными от гари и усталости,— советских освободителей — обнимали и засыпали букетами сирени благодарные пражане. Двадцать один год... Уже стало взрослым родившееся после войны поколение. Но в сердце каждого чеха и словака, как и в сердце каждого советского человека, жив и вечно будет жить тот памятный день. 9 мая не только национальный праздник Чехословакии, это праздник наших стран, праздник каждой семьи, каждого человека. За эти годы еще крепче и многограннее стала наша дружба. Нет такой области в жизни наших стран, где эта дружба не приносила бы свои благотворные плоды. Ученые обмениваются опытом, театры выезжают на гастроли, идут маршрутами дружбы туристские поезда, мы вместе думаем о сегодняшнем и завтрашнем дне, вместе планируем и вместе строим.

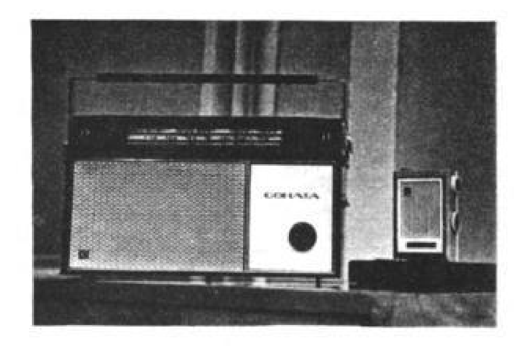
С праздником, дорогие чехословацкие братья! Счастья вам и успехов в нашем большом общем деле!

сяч рублей — на ремонтно-реставрационные работы по памятникам истории и культуры г. Суздаля и рабочего поселка Боголюбово. Также дополнительно Владимирскому облисполкому выделяются уборочные и другие автомашины, создаются новые предприятия торговли и общественного питания, станции технического обслуживания автомобилей индивидуальных владельцев, автотуристская база в окрестностях Суздаля, развертываются большие работы по благоустройству Суздаля и шоссейных подъездов к городу, принимаются меры по увеличению выпуска и улучшению качества рекламно-информационных материалов.

Работы, предусмотренные постановлением Совета Министров РСФСР, рассчитаны на несколько лет, но уже в этом году будет сделано немало. Остается надеяться, что от этой большой и благородной деятельности не останется в стороне общественность и такие организации, как министерства культуры, торговли, коммунального хозяйства, «Интурист», Академия наук СССР, Всероссийское добровольное общество охраны памятников истории и культуры, союзы художников, архитекторов, писателей, кинематографистов.

ОТ «СИМФОНИИ» ДО «РУБИНА»

7 мая страна отмечала День радио. Наш корреспондент побывал в Министерстве радиопромышленности и попросил начальника Главного управления Э. И. Санса рассказать о новинках нынешнего года. Вот что он сообщил.



«Соната» и «Орленок».
Фото Галины Санько.

— Семьдесят с лишним лет назад А. С. Попов создал первый радиоприемник. Сейчас наша радиопромышленность дает населению свыше сорока видов различных приемников — от «Симфонии», современной, высшего класса, до крохотного транзистора «Рубин».

Продолжается процесс бурного обновления всех моделей. Здесь, так же как и в производстве телевизоров, характерна унификация. Начался выпуск унифицированных радиол 1-го и 3-го классов. К ним относятся радиолы 1-го класса «Урал-I», «Урал-II», «ВЭФ-Радио-65» и магниторадиола «Романтика». Все они выполнены на базе рижской хорошо зарекомендовавшей себя «Ригонды».

Днепропетровский завод осваивает производство унифицированного транзисторного переносного приемника 3-го класса «Спорт-II». Коль речь зашла о транзисторах, то тут не обойтись без популярной «Спидолы». В этом году на прилавках магазинов появились ее соперники — «Сувенир» и «Соната». Несколько позже появится «Меридиан». По своей избирательности и чувствительности все они превзошли рижанку и меньше ее по величине. Спрос на них очень велик, и «Спидоле» пришлось туго. Сейчас в Риге разрабатывается новая модель, которая ее заменит.

Минский радиозавод по-новому оформил радиолу «Беларусь-62» и улучшил ее акустические качества. Кроме того, минчане в апреле начали изготовление новой стереофонической радиолы 3-го класса — «Минск-65». Она очень красива и снабжена реверберацией — искусственным эхом.

Привлечет внимание цветовым сопровождением музыки радиола «Гамма».

Есть новинки и для любителей «малюток». В их семью во второй половине года войдет, в частности, «Орленок» — двухдиапазонный, величиной в две спичечные коробки.

Всего в этом году советские люди получат шесть миллионов радиоприемников разных типов.

По первому требованию



Варвара КАРБОВСКАЯ

Получила заказную бандероль. Распечатала. Пьеса? Мне на отзыв? Но я же не драматург...

«...Но вы все-таки женщина,— писал незнакомый автор,— если, конечно, не псевдоним, что в данном случае было бы нежелательно. А по идее женщины-писательницы не в пример мужчинам, занимающим аналогичные должности, обязаны иметь отзывчивое сердце и откликаться на зов по первому требованию».

Эти первые требования были сформулированы ясно и категорически.

«...Поскольку вы состоите в мире искусств, вам ничего не стоит торкнуться туда-сюда с моей пьесой и продвинуть ее в то или иное место. Но лучше всего, конечно, в Государственный Академический Художественный театр имени М. Горького, как самый, по моему мнению, подходящий в настоящее время для моего произведения. Я, со своей стороны, буду еще много писать и для других театров, потому что, как вам известно, у нас еще слишком мало пьес на производственные и сельскохозяйственные темы, а также не имеется достойных пьес на нижеперечисленные:

а) о работниках торговли как продуктового, так и промтоварного профиля, с выявлением не ихних темных, а исключительно ихних светлых сторон;

б) о фармацевтах;

в) о производстве мороженого, которое потребляется в одной только столице нашей Родины Москве в количестве 80—90 тонн в день в летнее время и до 50 тонн в зимнее (данные проверены);

г) о строительстве светлого будущего;

д) о домоуправах, лифтерах, дворниках и слесарях-водопроводчиках, которые своей незаметной работой тоже вносят вклад;

ж) о мебели и холодильниках — тема актуальная, имеющая целью расширение производства упомянутых товаров.

...И еще,— писал автор,— у меня записано около 60 тем, которые ждут своего отображения. Исключаются темы о шоферах, водителях машин, о нашей доблестной милиции и о работниках общественного питания, поскольку они уже неоднократно использовались как в театре, так и в кино. Кроме того, учитывая всевозможные крупные даты, отмечаемые ежегодно в разное время нашим народом и передовой общественностью, я в первую очередь не смогу не откликнуться своим пером...»

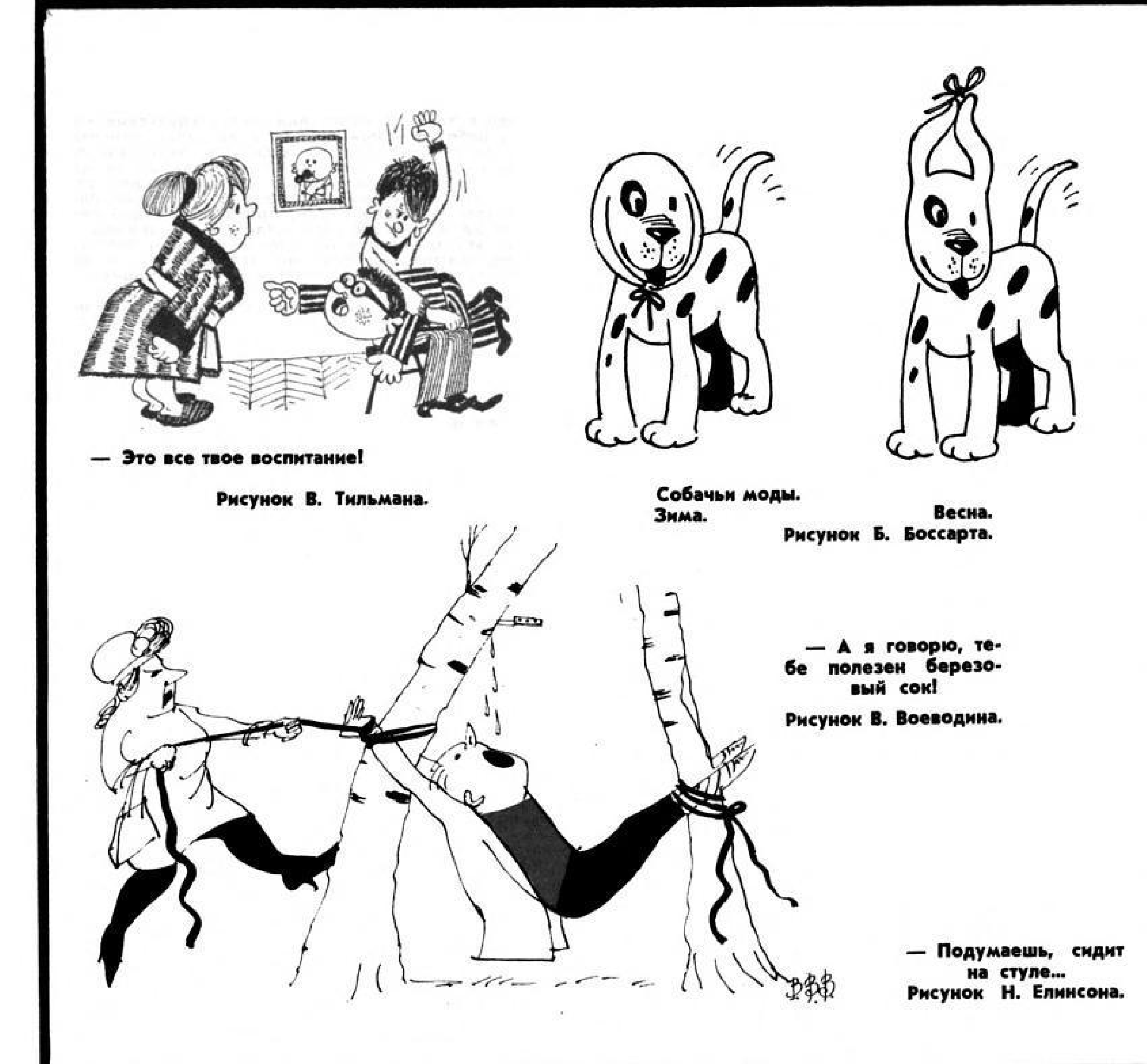
Это уже было слишком! Мне захотелось тут же сесть за машинку и отщелкать отповедь: не прикасайтесь к великим датам, которые у вас стоят в одном ряду с мороженым, холодильниками и диванами-кроватями! Но я подумала, что гнев мой будет не по адресу: ведь поделки этого невероятно самоуверенного самозванного драматурга все равно не увидят света.

Да, его-то поделки, будем надеяться, света не увидят. А вот руководительница одного самодеятельного ансамбля, о которой мне недавно рассказывали, по-прежнему будет говорить с лихостью необыкновенной:

— Мой коллективчик весь в мыле и в пене! Я из главной рольки конфетку делаю!

Причем под словами «ролька» и «конфетка» она подразумевала такую роль, говорить о которой можно и нужно, только глубоко поняв и прочувствовав ее значение. И тогда уже сказать «конфетка» язык бы не повернулся. Ах, если бы она была только одна, эта самодеятельная руководительница, с ее лихостью и поспешностью перед датами!..

Однако возвращаюсь к моему незнакомому автору, который ждал от меня отклика по первому требованию. Вот выдержки из его письма и из его произведения:



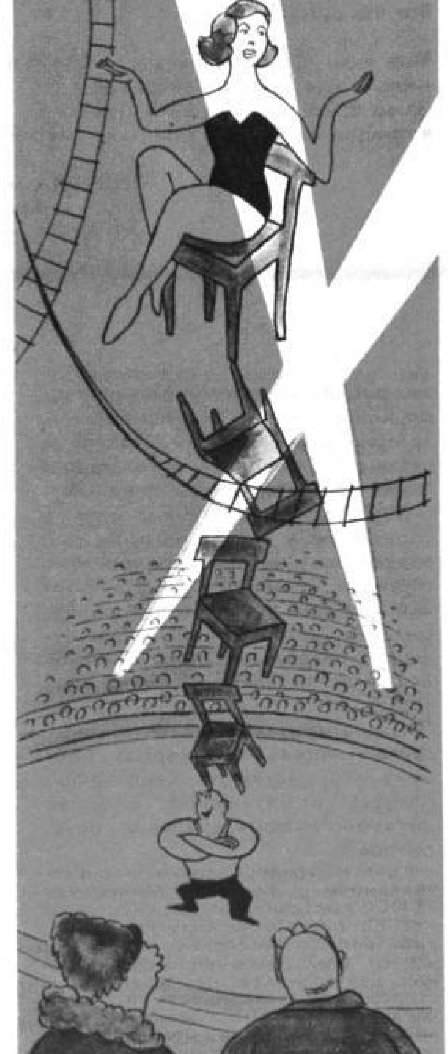
— Это все твое воспитание!

Рисунок В. Тильмана.

Собачьи моды.
Зима. Весна.
Рисунок Б. Боссарта.

— А я говорю, тебе полезен березовый сок!

Рисунок В. Воеводина.



— Подумаешь, сидит на стуле...
Рисунок Н. Елинсона.

«...Предлагаю вам свою пьесу в трех действиях, тридцати картинах, со световыми эффектами, внезапностями, испугами, кинокадрами, выходом артистов в зрительный зал и с заходом ими обратно, с оркестром народных инструментов, хором и переплясом. Действующие лица...»

Их было 35. Была «Девушка Неля, 20 лет, гордая и чистая, с яркими следами красоты». Были пять колхозных дедов, из которых трое «уже приобщились к культуре через литературные произведения, а остальные еще нет или не полностью, что отражается на их произношении некоторых слов»,— так объяснял автор.

Он ни на минуту не забывает, что любовные истории и разговоры дедов происходят в «с/х местности» и на фоне «с/х деятельности». Один из его персонажей — птицевод. Автор так описывает его характер:

«...Петя Лебедев имел свой особый подход к девушкам. Он старался заглянуть им прямо в душу со свойственной ему здоровой любознательностью птицевода».

В первом действии старики колхозники сидят на зеленой лужайке и на десяти страницах убористого рукописного текста вспоминают о своих встречах с великими людьми. (О знаменательных датах забывать нельзя!)

«ПЕРВЫЙ ДЕД. Кубыть, я раньше был информирован, нешто я допустил бы ефтот инцидент?

ВТОРОЙ ДЕД. Точно, как сказал еще Антон Павлович Чехов: «Я верю, следующим поколениям будет легче и видней: к их услугам будет наш опыт». А опыт у нас — будь здоров, опять же под руководством нашего молодого, но имеющего высшее образование и диплом агронома Аркадия Матвеича».

Тут следует авторская ремарка: «За сценой слышны возгласы ругани и драки, кроме того, детский плач и женский навзрыд».

«...ТРЕТИЙ ДЕД (прислушивается). Стало быть, оно того... читать нужно эту самую художественную литературу, тогда в семьях создадутся нормальные отношения. Вон как у Турсун-заде:

«Там, где славится мать, где в почете жена,—
В той стране высока человеку цена...
Чем привольнее детям расти, расцветать,
Тем счастливее мать, тем красивее мать!»

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕД. Умственные твои слова, Пахомушка. Еще, помнится мне, товарищ Луначарский сказывал: «Внешкольное образование есть вся жизнь! Всю жизнь должен человек себя образовывать».

ПЯТЫЙ ДЕД (средних лет). Замечательные слова, дорогие друзья! Их надо нести в молодежь. А вот и они сами, представители нашего светлого завтра!»

Тут снова авторская ремарка: «На авансцене гаснет свет, на заднике вспыхивает экран. По нему парами носятся ласточки и кулики. В луче света появляются Петя и Неля».

«ПЕТЯ. Побудь со мной еще немного, моя любимая! Крупный рогатый скот, идущий с водопоя, еще не достиг границ нашего населенного пункта. Подари мне еще один чистый поцелуй!

НЕЛЯ (решительно, с девичьей гордостью и с жестом). Нет, Петя! Я в качестве бригадира доярок должна быть в первых рядах. Посмотри вдаль, ты видишь: уже идут бок о бок быки и коровы, мерно покачивая полным выменем. Мое место там!»

Дойдя до этого места, я, поддавшись соблазну цитат, воскликнула словами вещего Олега:

— «Так вот где таилась погибель моя...»

Я представила себе, как мне придется отвечать самоуверенному начинающему драматургу, указывая ему на его полную неосведомленность в животноводстве и в сельском хозяйстве. Что коровы и быки не ходят парами и что на стадо всегда полагался только один бык,— это я знала точно. Придется растолковать автору и то, что сельские старики никогда не говорили и не говорят таким ужасным языком, какой он им приписывает, с «ефто», «кубыть» и цитатами, заменяющими им собственные мысли.

А потом я подумала, как уже не раз думала во время чтения таких рукописей (что бывает, к счастью, нечасто): может быть, это розыгрыш брата-сатирика? Но тут же отбросила эту мысль, зная по себе, как дорого время каждому работающему человеку,— в рукописи было 180 страниц. Кроме того, в письме четко поставлены фамилия, имя, отчество, адрес. И фамилии тех писателей, к которым автор уже обращался и которые, по его словам, «сравнодушничали и не пожелали даже ответить».

А вот я смалодушничала. Надо было ответить так: литература, драматургия — дело серьезное, трудное, трудоемкое. Нужно терпеливо учиться, самому, постоянно, без учителей и без шпаргалок, без отметок и перевода из класса в класс. А уж когда берешься писать для печати или для театра, то нужно у м е т ь это делать. Ведь вот хирург только тогда хирург, когда он у м е е т делать операции, а для этого он учится, а не балуется скальпелем, как вы балуетесь пером. Вместо всего этого и еще многого другого, что я могла бы сказать любителю, или, точнее, использователю дат, громких имен и цитат, источники которых он везде помечал скрупулезно, я написала: «К сожалению, я не драматург и не могу вполне авторитетно судить о вашем произведении. Лучше пошлите его известным драматургам. Или одной из наших народных артисток, поскольку вам хочется, чтобы именно женщина с отзывчивым сердцем откликнулась на ваше требование».

Повеселев после этого, я все же нашла в себе решимость добавить: «Ваша работа представляется мне непригодной для сцены, вы не сильны в русском языке и, кроме того, отнюдь не знакомы с предметом, который описываете...»

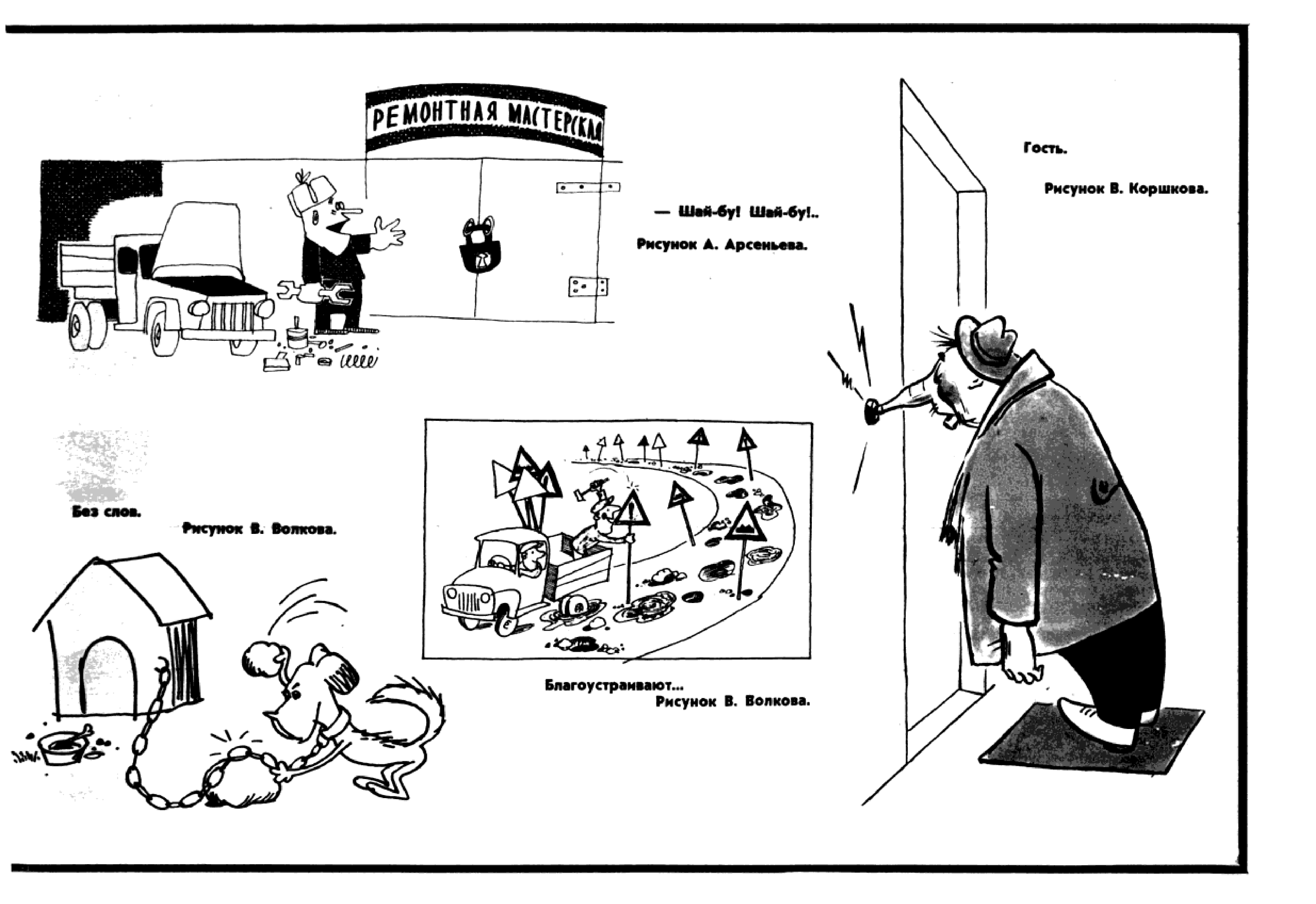
Я поставила точку, но, посчитавшись со своей совестью, добавила еще: «И примите мой совет: никогда не спекулируйте великими именами и знаменательными датами. Это худший вид спекуляции!»

Рукопись я отправила обратно также заказной бандеролью. Положила в сумку квитанцию и почувствовала: вот сейчас я вздохну полной грудью. Но вздоха не получилось, потому что я вдруг вспомнила фразу из письма незнакомого автора:

«...Я читал свою пьесу многим товарищам, которые разбираются, и они выразили свое полное удовлетворение и авторитетное мнение, что это пьеса нужная, актуальная, поскольку она затрагивает ряд вопросов: 1) о воспитании подрастающего поколения; 2) о любви молодых людей с сохранением моральной и физической чистоты до законного оформления; 3) о сознательности старшего поколения, встречавшегося еще с великими...»

А вдруг кто-нибудь из «товарищей, которые разбираются», действительно прельстится разнообразием тем и обилием славных имен, хотя и упомянутых всуе и даже кощунственно? А прельстившись, сделает что-то от него зависящее для продвижения бессовестной стряпни на сцену...

А что, разве так никогда не бывало? Полноте...

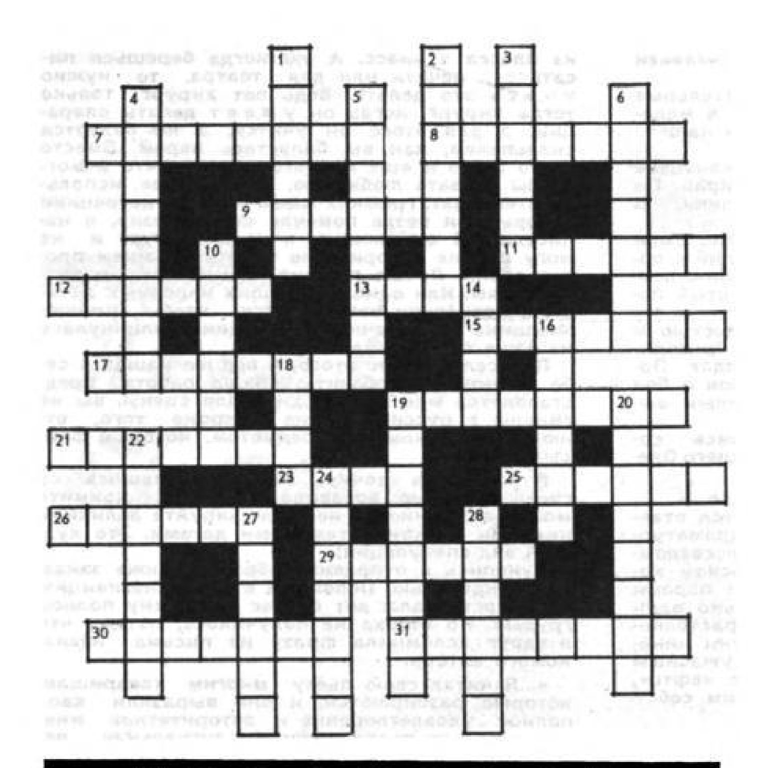


— Шай-бу! Шай-бу!..
Рисунок А. Арсеньева.

Гость.
Рисунок В. Коршкова.

Без слов.
Рисунок В. Волкова.

Благоустраивают...
Рисунок В. Волкова.



КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Советский историк. 8. Народный писатель Азербайджана. 9. Попугай. 11. Актер, народный артист СССР. 12. Горный хребет в Читинской области. 13. Береговой ветер. 15. Перерыв между отделениями концерта. 17. Конфета. 19. Часть побега растения. 21. Роман Б. Горбатова. 23. Река на Северном Кавказе. 25. Мастерская живописца. 26. Глетчер. 29. Скульптор, автор Аполлона Бельведерского. 30. Мороженое. 31. Основоположник русской педагогической науки.

По вертикали:

1. Дерево семейства буковых. 2. Грузинский танец. 3. Областной центр в Узбекистане. 4. Незамкнутая кривая. 5. Группа артистов. 6. Приток Днепра. 10. Летняя шляпа. 14. Созвездие южного полушария. 16. Солома льна и конопли. 18. Порт на берегу Азовского моря. 19. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 20. Государство в Европе. 22. Небольшой напильник. 24. Химический элемент. 27. Поморская лодка. 28. Помещение в самолете.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

7. Мейербер. 8. Реквизит. 9. Земляника. 10. Галера. 12. Навага. 14. Эскиз. 17. Замбези. 18. Шезлонг. 19. Катализ. 21. Картина. 25. Буран. 26. Кварта. 28. Баклан. 29. Телевизор. 30. Боккаччо. 31. Апостроф.

По вертикали:

1. Бирюза. 2. Лавсан. 3. «Метелица». 4. Уральск. 5. Франций. 6. Цикламен. 11. Рембрандт. 13. Амплитуда. 15. «Узник». 16. Белая. 20. Астангов. 22. Нехлюдов. 23. «Бурелом». 24. Маринад. 27. Атташе. 28. Брюсов.

На первой странице обложки: Михаил Иванович Крымов со своей дочкой (см. в номере «Балладу о неубитом сердце»).

Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Под всеми парусами. Рижский залив.

Фото Е. Умнова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10596. Подписано к печати 4/V 1966 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печатн. листов 5,0. Усл. печ. л. 7,0.
Тираж 2 000 000. Изд. № 771. Заказ № 1234.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Глазами старого друга



Мы стоим у Бранденбургских ворот. Только что капитулировали фашистские войска, но кое-где еще погромыхивает и по улицам стелется сухой дым пожарищ.

Прошло более двадцати лет. Я вновь в Берлине. Иду по совершенно изменившимся улицам со своим немецким другом художником Гансом Вальтцером. А познакомились мы с ним еще тогда, в мае сорок пятого года.

Мы, военные художники, старались не пропустить ничего. Я целыми днями рисовал, рисовал... Однажды за спиной я почувствовал чей-то напряженный взгляд. Уже немолодой человек, плохо одетый, с рюкзаком за плечами внимательно следил за моей работой. Я немного знал немецкий язык и в ответ на недоуменные вопросы моего нового знакомого постарался объяснить смысл спешной, неотложной работы наших военных художников. Оказалось, что незнакомец тоже художник. Я пригласил его к нам, познакомил со своими товарищами. Он чрезвычайно обрадовался дружеской встрече, которая ему была оказана коллегами. А десять лет спустя у нас с Гансом Вальтцером была совместная выставка в Берлине. Потом она экспонировалась во многих городах ГДР.

В начале этого года Министерство культуры ГДР пригласило меня в Берлин. Я передал часть своих рисунков военных лет в Дрезденскую галерею. Проехал всю Саксонию, Тюрингию, побывал на Гарце. С радостью убедился в том, что растет, крепнет, хорошеет новая, социалистическая Германия, в которой живет много искренних наших друзей. И среди них мои старые друзья — немецкие художники.

В. БОГАТКИН

На проспекте Карла Маркса. 1966.



Первое послевоенное утро на Унтер-ден-Линден...









Путевые наброски.

У Бранденбургских ворот сегодня.



Цена номера 30 коп.
Индекс 70663